

Александр
ГРИГОРЕНКО

Ильгет

три имени судьбы

Александр Григоренко
Ильгет. Три имени судьбы

«АрсисБукс»

2013

Григоренко А.

Ильгет. Три имени судьбы / А. Григоренко — «АрсисБукс», 2013

Новый захватывающий роман Александра Григоренко «Ильгет. Три имени судьбы» о человеке, у которого «стрелой в ране» застряла загадка его жизни. Тщедушный приемыш, потерявший брата-близнеца, по воле «бесплотных» проходит путь от раба своего отчима до вождя чужого племени. Вновь становится рабом – монголов, огненной лавой затопивших могучую реку Енисей, – но обретает свою правду: великое благо – жить без страха.

© Григоренко А., 2013

© АрсисБукс, 2013

Содержание

Древо Йонесси	6
Собачье Ухо	7
Ловля ветра	7
Гусь	12
Дети	15
Лар	20
Заморыш	30
Нара	35
Железный рог	38
Тогот	42
Сердце сонинга	45
Сердце раба	48
Бег	52
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Александр Григоренко

Ильгет. Три имени судьбы

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»

© Григоренко А., 2013
© Издание ООО «ArsisBooks», 2013
© Дизайн-макет ООО «ArsisBooks», 2013
© Дизайн обложки Половникова Н., 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

*Найди потерянное,
Догони убежавшего,
Сокруши разрушившего,
Убей убившего.*

«Содени-богатырь» Эвенкийский эпос

Увидев, что весь Геллеспонт целиком покрыт кораблями и все побережье и Абидосская равнина кишат людьми, Ксеркс возрадовался своему счастью, а затем пролил слезы. Дядя его Артабан... обратился к нему так: «О царь! Почему ты поступаешь столь различно теперь и немного раньше?» - Ксеркс ответил: «Конечно, мною овладевает сострадание, когда я думаю, сколь скоротечна жизнь человеческая, так как из всех этих людей никого уже через сто лет не будет в живых».

**Геродот.
«Полигимния»**

Древо Йонесси

Я родился на берегу реки, которую люди моего народа зовут Хуг, жители степей – Хем-Суг, а тунгусы и вслед за ними очень многие – Йонесси.

Каждое из этих названий означает одно и то же – «великая вода», и можно сказать, что у этой реки нет имени. Дать имя – значит, стать господином. Но эта река – сама господин.

Йонесси – Древо, на котором стоит мир.

Крона его – Саяны, закрывающие от людей райское обиталище светлых духов и еще не родившихся душ. Корни уходят в полуночное море, где Ледяная Старуха, трясет волосами, посылая в мир метели и смерть. По этому пути – от кроны до корней – течет жизнь всякого.

Ветви Древа – бесчисленное множество рек: больших, малых, совсем крохотных. Каждая из них означает жизнь какого-то племени, рода или семьи, ибо так задуман мир, что не бывает человека без своей реки. Она предназначена ему по праву рождения. Если случится, что тайга сверх меры расплодится народом, то и рек станет больше. Иначе и быть не должно.

Гнездо человека на Древе – там, где мать закопает пуповину.

Оботрет мать руки, и тогда люди и духи, видевшие твое появление на свет, скажут: «Вот, родился человек, который будет жить среди нас». Не надо расставаться с родными людьми и духами, потому что вместе с тобой падает на подстилку из зеленой травы твоя судьба, а она никому не известна.

Случается, что вместе с судьбой посылают бесплотные какой-нибудь подарок, – зоркий разум, песенный дар, умение видеть невидимое, слышать неслышимое. Зачем они это делают – не дано знать. Но и оставшимся без подарка, не стоит считать себя обделенными, потому что мир, стоящий на Древе Йонесси устроен так, что ни одна живая душа не затеряется в нем. Даже выпавший из гнезда, терзаемый чуждыми духами и людьми, знает, что есть обратный путь, и тем утешается...

Эта мысль греет меня, как теплая пыль, которой я укутываю ноги. Моя судьба уместилась в три имени, два из которых я прожил вместе с ней. Третье имя сказало, что Древо Йонесси – ложь, и надо принять это, как и все, принятое ранее. Но я не могу...

Сделать так и жить дальше – еще большая ложь.

Жизнь спутанной сетью лежит у моих колен, и я мучительно пытаюсь отыскать в ней начальную нить, чтобы извлечь все, что видел сам, слышал от других людей, то, что приходило в снах и видениях, чтобы понять ее строй и надобность моего появления на земле.

Собачье Ухо (имя первое)

Ловля ветра

Они бежали сквозь ельник, подминая деревья, как траву. Земля тряслась перед глазами. Молодые ноги и страх несли их к пологому берегу реки. Их было двое.

Оказавшись на берегу, они остановились, приходили в себя от неистового бега, смотрели по сторонам. Потом один крикнул другому, хотя стояли они в полушаге друг от друга.

– Я – вниз, ты – туда, вверх...

Второй ничего не ответил. Молча, и уже не так резво они двинулись каждый в свою сторону, но не успели удалиться друг от друга и на десяток шагов, как из зарослей тяжелым, но быстрым шагом вышел третий – широкий человек, едва ли не шире их обоих. В руке он сжимал короткую палку с ремнем на конце.

Спинами увидев широкого человека, они остановились. Тот, не глядя на них, подошел к воде. Он смотрел на глубокие следы человеческих ног и борозду, оставленную на мокром песке днищем большой лодки. Здесь лодка ждала хозяина для сегодняшней ловли налима.

– Далеко собрались?! – не поднимая головы, отрывисто крикнул широкий человек.

Носком легкого пима он перекатывал камешки в борозде, на которую те двое не обратили внимания. Они стояли там, где застало их появление широкого человека и ждали, что он скажет.

– Думаете, он так же глуп, как вы? Украл лодку и, проплыв немного, бросил?

Двое молча побрели к старшему. Это были рослые, крепкие в кости парни с блестящими черными волосами, какие бывают у людей, полных сил и никогда не знавших голода и болезни. Они только приближались к тому возрасту, когда юноша должен вот-вот перейти в мужчину. Широкому человеку они приходились родными сыновьями. В их руках была почти взрослая сила, но сильнее ее были детские страхи, еще не изжитые их нежными желтыми душами. Сейчас страхи, как слепни над куском тухлого мяса, гудели вокруг ременной палки в руках отца.

– Если он ушел ночью, то сейчас уже далеко, – наконец сказал один из парней.

Отец молчал, заправив руки с плетью за спину – руки за его спиной едва дотягивались друг до друга, – и глядел куда-то поверх лесистой горы, над которой розовело утреннее небо.

– Ночью богатая луна, – после некоторого молчания промолвил второй. – Он побоялся бы идти, когда все видно, как днем. Наверное, он сбежал под утро, когда совсем темно.

После этих слов широкий человек обратил к нему голову, которой короткая шея не давала повернуться до плеча, – остальное доставали глаза. Он ждал продолжения слов.

– С утра прошло не так много времени, его можно настичь с другой стороны.

Отец вынул руки из-за спины.

– Не углядел, собачий послед, рыбье дерьмо, – тихо, почти мирно произнес он и вдруг, отступив на два шага, резанул воздух плетью.

– Живо! Бежать!

Опомнившись, двое молодых бросились в ельник, где они пробили просеку. Широкий человек бежал за ними.

Их стойбище находилось почти у самого берега Сытой реки, от воды его отделяли заросли, которые на бегу можно преодолеть за несколько вдохов и выдохов... Но каждый знал, если идти по течению, то меньше чем через половину дня пути река дает крутую излучину

и вновь подходит к стойбищу с другой стороны – пусть не так близко, но резвому человеку достаточно бежать совсем недолго, чтобы добраться до воды.

Все трое ворвались в стойбище. Там, возле четырех летних чумов сидели женщина и старик. Они молчали. Оторопев от того, что случилось нынешней ночью, женщина забросила дела. Пустой котел валялся в траве, над верхушками чумов не было дыма, лишь несколько головешек тлели в кострище – вокруг него собрались люди, по привычке спасаясь от гнуса, который к началу осени был уже не столь свиреп. Время его уходило...

Двое парней бросились в свой чум.

– Луки берите, стрел побольше! – кричал им отец. – Все, что есть, берите!

Сам широкий человек не заходил в свое жилище – самое большое из всех. До слуха его донесся скрип, какой издает ветвь надломленного, почти мертвого дерева.

– А твой лук где?

Это говорил старик по прозванию Кукла Человека, ибо прожив жизнь до последнего остатка и потеряв даже подлинное имя, почему-то никак не умирал. Он подавал голос так редко, что всякий раз люди вздрагивали, как от незнакомого звука. Жене широкого человека он приходился родным дядей. Она кормила его, иногда – как тем утром, когда старик не мог или не хотел идти сам, – переносила легкое тело через порог. Но Кукла Человека почти никогда не удостаивал племянницу разговором. И потому, услышав скрип мертвого дерева, женщина вздрогнула – так же, как сам широкий человек.

– Где твой лук? – повторил голос. – И пальма? И железная парка?

Широкий человек побагровел. Рука с ременной палкой показалась из-за спины и поползла вверх, но остановилась в начале пути.

– Замолчи, – сказал он шепотом.

Но скрипящий смех становился все отчетливей.

– Крепок же ты спать, Ябто, – смеялся Кукла Человека, – как в молодости крепок.

– Замолчи!

Старик смеялся.

– Теперь береги штаны, крепче привязывай ремешки, – с таким хорошим сном и штаны потеряешь...

Рука с ременной палкой вновь пошла вверх и, наверное, через мгновение старик уже не смеялся бы никогда, но сыновья широкого человека вышли из чума при оружии и окликнули отца.

* * *

Они быстро достигли излучины Сытой реки и, тяжело дыша, встали у воды. Должно быть, они впервые подумали о том, что пытаются поймать ветер.

Каждый из них понимал, что украденная лодка уже могла пройти здесь. И тот, кто украл ее, мог остановиться в любом месте длинного петлистого берега.

Но бессловесное чувство подсказывало, что беглец должен выбрать именно тот путь, на котором его ждут. Все они, особенно сыновья широкого человека, верили, что беглец тоскует по простору, и потому будет что есть сил идти вниз по течению, к устью, где Сытая река пропадает в бескрайнем теле Йонесси. Мысль о том, что есть неизмеримо более краткий путь – переправиться на другой берег и уйти в тайгу, полагаясь на ходкие молодые ноги, – вовсе прошла мимо их носов, потому что на том берегу начинаются земли людей Нга...

Злоба Ябто на сыновей прошла, хотя он старался скрыть это, глядел волком и говорил резко. В том, что произошло сегодня ночью, сыновья виноваты меньше всего, и, понимая это, широкий человек задыхался от осознания позора больше, чем от бегства, слишком быстрого и длительного для его тяжелого тела. Но боль – и так случалось всегда – обостряла разум Ябто.

– Здесь не надо его ждать, спустимся ниже, – сказал он, и все трое двинулись дальше.

Сыновья понимали, что задумал отец: чтобы опередить лодку, надо запастись расстройством. К тому же в этом месте между берегами слишком много воды, и беглецу будет легче уйти от стрелы, но самое худшее – на широкой реке почти невозможно достать подстреленную добычу. А достать ее надо во что бы то ни стало – ибо только тогда уйдет горе, пришедшее в стойбище на исходе нынешней ночи.

Совсем недалеко было то место, где река сужалась, вода становилась быстрее и, если убить беглеца на подходе, можно прорваться сквозь течение и настичь лодку. У сыновей широкого человека несомненно хватит на это сил.

Там, где берега сходились ближе всего, отец приказал делать засаду. На расстоянии трех десятков шагов друг от друга они спрятались в зарослях тальника. Первым должен был стрелять Ябто. Сыновьям предстояло добить врага, если отец ранит его, – о том, что он может промахнуться, никто не думал. Широкий человек приказал как следует спрятаться, опасаясь, что беглец в лодке обнаружит засаду и тут же уйдет на другой берег. Он был умен, этот широкий человек... Но Ябто понимал: в том, что он делает, немного разума и много веры, что обрушившийся на его голову позор, покорно идет на приготовленную ему гибель.

Он вспоминал беглеца, который, почти так же, как его сыновья, был обязан ему тем, что живет и ходит по тайге. Он думал о нем, он уже не надеялся – знал, что все станет именно так, по его нынешней вере...

И вера широкого человека получила награду.

Вдалеке показалась лодка. Увидев ее, один из сыновей взвизгнул по-собачьи – Ябто пожалел, что забыл в стойбище плеть... Лодка шла на удивление ровно, хотя гребца не было видно.

– Он упал, он прячется! – закричал один из сыновей, тот, который первым выдал себя, забыв про засаду. – Я видел, сам видел! Отец, стреляй!

– Заморыш! Ублюдок! – закричал второй.

Широкий человек пустил стрелу – свистящее черное перо взвилось над рекой и застыло в середине лодки. Следом полетели другие стрелы и замирали рядом со стрелой Ябто.

Лодку повело, развернуло бортом, закрутило и понесло к берегу, будто кто-то ею правил и теперь бросил весло. Удача шла в руки широкому человеку. Он застонал сладко, когда увидел, как оба сына, бросив оружие на берегу, кинулись в воду и овладели лодкой.

Ябто бежал к ним изо всех сил...

Вдоль всего днища лежала полусгнившая лесина, утыканная черноперыми стрелами широкого человека и его сыновей.

Больше в лодке ничего не было.

Ябто, не отрываясь, молча, смотрел на добычу и, наконец, промолвил:

– Вернусь – убью старика.

* * *

Той ночью исчезло оружие – роговой лук, колчан с тремя десятками стрел, пальма, кожаная рубаха, обшитая пластинами светлого железа, и нож с белой рукояткой из кости земляного оленя.

Сыновья были правы: этот человек совершил кражу под утро, когда, скрывшуюся за скалой полную луну, еще не сменило солнце. Этот человек одолел охрану колокольчиков и ушел незамеченным. Он был слишком мал для такой увесистой добычи, но он унес все, не забыв даже самих колокольчиков, привязанных к пальме и луку. Он предвидел мысли своих преследователей.

Этим человеком был я.

Лодка понадобилась мне только для того, чтобы перебраться на другой берег реки напротив стойбища. Тем утром я прятался за камнями и смотрел, как сыновья широкого человека бледными насекомыми бегают от отцовской плети.

Это было неразумно – мне следовало понимать, что я совершил непоправимое, – беречь время и уходить как можно дальше. Но я был молод, и мне так хотелось и, наверное, ради этого зрелища я решился на такое. Я с трудом удерживал себя от другого совсем уж безрассудного поступка – вскочить, закричать, скинуть парку, спустить штаны и показать зад.

Меня грела мстительная мысль: Ябто мечется и щедр на злобу, но худшее для него впереди. Пройдет немного времени, и весть о его неслыханном позоре поползет по стойбищам. Люди знают: позволивший ничтожному мальчику украсть свое оружие есть пустой человек.

* * *

Все трое вернулись на заходе солнца, волоча за собой лодку. Пока Ябто с сыновьями ловили ветер, люди в его доме отошли от утреннего оцепенения, и жизнь вернулась в обычное русло. Еда была готова и ждала мужчин, дымы привычно курились над верхушками чумов. Отец, не подавая вида, что вернулся с утренним позором, сел вместе с сыновьями в большом родительском чуме, и все трое набросились на мясо.

Широкий человек рвал оленину короткими сильными зубами, и даже тени печали не было на его лице – казалось, он просто радовался тому, что прошло то проклятое утро и проклятый день клонится к закату. К тому же уныние никогда не поглощало широкого человека дольше, чем на часть дня, – домашние знали об этом, поэтому не удивлялись, но и не говорили лишнего.

Когда Ябто, наевшись, вытер руки об волосы и, облегчая живот, отвалился на шкуры, лежавшие за его спиной, мать все же сказала глупое – спросила: «Где он сейчас, не знаешь?»

Сыновья замерли, но отец, продолжая лежать на спине и глядя куда-то в дымовое отверстие, ответил мирно:

– В тайге, где же ему быть. Набегается – вернется. Лишь бы не потерял пальму. Совсем новая.

Мать вздохнула и снова сказала глупое:

– Как он все это таскает за собой – такой маленький...

Но широкий человек опять пропустил слова жены мимо ушей, полежал еще немного, довольно рыгнул и рывком выпрямился.

– Идите к себе, – велел он сыновьям, и, повернувшись к жене, добавил: – Ложись сама, я скоро приду.

Он вышел из чума, с блаженным вздохом потянулся и пошел на край стойбища, где жил Кукла Человека. Широкий человек едва поместился в чуме, чуть ли не вдвое меньшем, чем его собственный. Старик сидел у очага, сидел ровно, как вбитый в землю кол. Глаза его были закрыты.

– Спишь, дедушка? – громко спросил Ябто.

– Нет, – тут же ответил старик. – Я давно не сплю. Много лет.

– Дивно, – деланно удивился широкий человек. – А мне все кажется, что ты постоянно спишь. Голоса не подаешь, глаза людям не показываешь. Почему? Не хочешь смотреть на то, что творится на свете?

– Все, что творится на свете, уже было со мной.

Здесь, при свете очага, Ябто вдруг увидел, что Кукла Человека прозрачен, как опавший осенний лист, сохранивший лишь тонкую частую сетку прожилок, на которых когда-то держалась плоть.

– Племянница твоя говорит, будто ты можешь видеть то, что будет. Это правда? – спросил он наконец.

– Хочешь пророчества?

– Хочу... если, конечно, жена не обманывает.

– Дурочка она, а ты слушаешь, – сказал Кукла Человека. – Зачем мне рассказывать будущее, когда ты сам его расскажешь. Никогда не показывался в моем чуме, а тут – пришел. Не иначе хочешь рассказать мне...

Ябто рассмеялся.

– Твоя правда, – и, уняв смех, продолжил: – Помирать тебе надо, дедушка. Теперь уж точно пора. Надоел ты мне.

– Сегодня надоел? – спросил старик, не открывая глаз. Морщины на его сомкнутых губах, нависших над провалом беззубого рта, задвигались, выдавая усмешку. Увидев ее, широкий человек отбросил добродушие, как надоевшую и уже не нужную ношу.

– Почему этот заморыш ушел? – прошипел Ябто. – Почему он ушел нынешней ночью? Ты все рассказал ему?

Сетка на губах старика двигалась, как живая, и это приводило широкого человека в бешенство, которое он пока старался сдерживать.

– Сегодня утром ты хотел прибить меня, – сказал Кукла Человека. – Почему не прибил?

– Если бы ты не открывал свой вонючий рот...

Но тот продолжал, не слушая гостя:

– Щелкнул бы своей палкой с ремнем, и не нужно было бы вести сейчас этот разговор. Ты глуп, Ябто, потому что врал своим рабам, что они сыновья. Рабы – отдельно, сыновья – отдельно. Рано или поздно каждый из них узнал бы, кто он есть на самом деле. В общем-то, они уже знают. Ёрш ничему не научил тебя?

Внезапно широкий человек потерял злость.

– Он поубивал бы здесь всех. Разве ты сам этого не знаешь?

Старик слегка качнулся назад.

– Родного сына можно отстегать постромками или твоей любимой палкой с ремнем, сына можно бить за каждую провинность, но не удалять от себя. А ты выбросил Ерша, как позорящую тебя вещь, спрятал так далеко, чтобы никто даже случайно не вернул ее тебе. Пусть Ёрш ничего не знает, но ты думаешь, он не догадывается, что не сын тебе? Догадывается, если, конечно, жив... А заморыш, уже стоял на краю, я только помог ему шагнуть. Что было бы, не сделай я этого? Ты знаешь?

Широкий человек молчал.

– Послушай, Ябто, – почти просящим голосом сказал старик. – Послушай меня, ведь я никогда ни о чем не просил тебя. Покажи мудрость, не ищи заморыша. Он слабый, он погибнет в тайге раньше, чем ты найдешь его, если будешь искать.

– А мое оружие?! – крикнул Ябто. – Кто мне вернет его? И когда узнают...

– Не вспоминай про оружие, – продолжал старик, – ты удачливый человек, найдешь себе лучшую пальму, и железную шапку, и кольчугу и сам склеишь себе лучший лук. И про позор не говори – ведь ты смелый и никогда не боялся позора. Вся беда, милый человек, что ты и сыновей от рабов толком не отличаешь...

После этих слов Ябто вскочил, будто кто-то из-под земли пнул его в зад – он едва не повалил низенький чум старика.

Гусь

Широкий человек происходил из юрацкого рода Ненянгов – людей Комара. Он родился, когда вереницы птиц уходили на полдень в сторону Саян, называемых иногда Райскими горами. Отец его сам мечтал побывать за вершинами, ограждающими страну вечного тепла. Однажды он подошел к ним совсем близко, видел белые наконечники скал, но идти дальше не хватило дерзости. В тот день, с завистью глядя на небесный аргиш, он пожелал, чтобы сыну его мечта далась так же легко, как этим птицам, и он сказал: «Его прозвище – Ябто», – что по-юрацки Гусь.

Родитель Ябто был небогат, наверное, даже беден, но тогда жилось легко: вражда между людьми притихла, родовая река давала не жирный, но изобильный улов, хозяева леса не помнили обид, гнали зверя в петли и на стрелы, и сын рос ввысь, а еще быстрее вширь.

Ему шел четвертый год, когда кто-то из дальних родичей приехал погостить в стойбище отца и, увидев маленького Ябто, подхватил его на руки.

– Как твое прозвище, толстяк?

– Гусь, – ответил отец.

– Гусь? – просиял родич. – А где твоя шея?

Шеи у Ябто не было совсем – большая голова с торчащими волосами-иглами крепко сидела между плечами.

Родич захохотал, вслед за ним засмеялся отец и сам Ябто. Он не понимал причины смеха, но запомнил его навсегда.

Потом, когда он стал охотиться, ловить рыбу, повторил семь шагов отца, и даже побывал в набеге, шея так и не выросла. И Ябто окончательно понял: отец дал ему такое прозвище, чтобы повеселить людей.

Он стал сильным и мог наказывать любого за этот смех, но, видно, душа его уродилась подобной телу и стояла скалой посреди течения. Когда кто-то смеялся над ним, он сам начинал хохотать, и получалось, что вместе они смеются над непутевым родителем.

Такой выход подсказал Ябто добрый демон, поселившийся между его лопатками на пятнадцатом или шестнадцатом году жизни. В обычные дни демон молчал, но просыпался тогда, когда широкий человек испытывал боль и обиду. Демон говорил хозяину несколько спасительных слов и никогда не ошибался.

Шло время, шутка надоела людям, и сам широкий человек не думал о ней, но детская обида осталась и превратилась в презрение к отцу – вялое презрение к человеку, который всем хорош и людям мил, но не умеет держать счастье. А счастье шло к нему доверчивым косяком рыб и проходило, не задерживаясь, сквозь скверную худую сеть.

Но отец Ябто не сокрушался об этом, был душой легок и жил в беспорядке. И глядя на него, сын мечтал только о том, чтобы скорее подрасти и стать во всем непохожим на отца. Так и вышло.

Мать Ябто умерла давно от голода при перекочевке на зимнее стойбище. Отец перенес потерю легко. Но когда две сестры ушли в чужие рода за ничтожный калым, а третью, самую красивую, украл жених, отцу будто подрубили корень, и он постарел вмиг, потом ослеп. Ябто посадил его в отдельный теплый чум и кормил досыта.

Выждав год после кражи сестры, он отправился к непрошеным родственникам, и устыдил их за то, что не явились в указанный срок просить прощения и мириться, как велит обычай. Он пришел без оружия, и все видели, что одинокий юный Ябто не в силах отомстить за оскорбление. Но в словах широкого человека было столько уверенности и правды, что стыд пришиб родственников. Вор получил от отца хореем по хребту, а Ябто – небольшой железный

котел, два ножа и новую сеть. Для примирения подарок был скудным, но широкий человек не сказал об этом ни слова, – ушел и приобщил вещи к хозяйству.

Он стал лучшим хозяином, во всем не похожим на родителя. Когда ослеп отец, в стойбище появился новый лабаз, на чумах – крепкие ровдужьи покрышки, а потом – отцовскую латаную лодку из шкур заменила новая, выдолбленная из цельного соснового ствола.

Но главное, демон подсказал невиданную в этих краях вещь – укрепить посреди лодки высокий шест с поперечинами вверху и внизу и натянуть между ними несколько сшитых вместе ровдуг. И лодка его полетела, и по наущению демона, Ябто научился ходить против течения. Он, искусно орудуя веслами, поднимался по реке почти столь же быстро, как и спускался по ней. Люди удивлялись его разуму, некоторые пробовали сделать так же, но у них получалось плохо или совсем не получалось. Видно, демоны их были пустыми шишками по сравнению с тем, что жил между лопатками широкого человека.

Когда умер отец, Ябто позвал родичей. Но пришло и много незваных чужих людей помянуть старика с легкой душой. Все они – и Ненянгы, и чужие – сказали, увидев лабаз, ровдуги и лодку, что покойному следовало бы поменять легкость души на умелость сына. Люди сказали Ябто, чтобы он всегда оставался таким, каков сейчас, и тогда в тайге не будет человека лучше его.

Вскоре широкий человек женился и обзавелся несколькими оленями для перекочевков. Добрый демон между лопатками блаженно молчал, убеждая молчанием, что Ябто идет своим истинным путем, на котором нет опасности. Ябто был прав и этим счастлив.

Он знал, что не все люди к нему благосклонны. Он отказывался от войны, когда видел ее бессмысленность, за что некоторые считали его трусом. Но те, кто так говорил, знали и другое: Ябто расходует свою храбрость, как запас еды при большой ходьбе и, если будет в том действительная нужда, расшибет голову любому. Поэтому никто не называл его трусом в глаза.

Знал он и о другом своем прозвище – Падальщик. Несколько раз его видели на разоренных набегом, безлюдных чумищах. Никто не ведал, что он искал там. Но Ябто знал, что у всякой, даже потерянной вещи, как и у всякого человека и зверя, есть свое место в мире, а тот, кто считает и живет иначе, – попросту глуп. Он говорил об этом родичам и те признавали его правоту.

Прожив много лет, широкий человек не находил, в чем упрекнуть себя. Может быть, лишь в том, что, похоронив отца, он, как это принято у людей, вырезал из дерева куклу родителей и не кормил ее. Но отец, даже ослепший, до последнего своего дня был сыт и никогда не слышал упрека от сына. Не только отец – все, что окружало Ябто, держалось на его крепости и доброте.

И Кукла Человека, злой старик, был обязан ему тем, что до сих пор жив. Он взял его через полгода после женитьбы, когда по кочевьям родичей жены прошел мор и забрал всех ее родственников, кроме старика. Все эти годы Ябто не обносил его едой, выслушивал его неблагоприятное молчание и даже редкие оскорбительные слова. Ябто ничего не забывал. Но он слушал демона и не нуждался в других советчиках.

И сейчас широкий человека ждал, когда демон скажет ему, что слова старика, его смех и издевки – не более, чем собачий лай. Но демон молчал...

Он молчал в этот позорный день, когда Ябто показалось, что жизнь его не просто сделала изгиб, но переменяла русло и течет непонятно куда.

Наконец, он сказал старику:

– Скоро мы перекочуем вниз по реке. На другом берегу я знаю одно хорошее место, очень тихое. Там я тебя забуду. Надеюсь, Нга увидит тебя и наконец-то вспомнит о твоём существовании. Готовься.

Широкий человек повернулся, чтобы уйти.

– Эй! – окликнул его старик. – Не боишься, что сбегу, как Собачье Ухо?

Ябто плюнул и вышел из чума, явственно расслышав за спиной уже знакомый скрип мертвого дерева.

Он шел туда, где ждала его привычная постель и тихая жена и вдруг – услышал. Демон между лопатками ударил его в спину так, что свет померк в глазах.

Мысль беспощадная, как огонь с неба, ударила в ум широкого человека. Он упал на колени, обхватил голову руками.

– Раб... калека... как же я не догадался, как же я не подумал... Куда же ему бежать, как не... Рыбье дерьмо...

Прыгающие звуки выскакивали из утробы широкого человека – он то ли рыдал, то ли смеялся.

– Ябто! – раздался радостный крик. – У тебя пустой котел вместо башки!

Дети

Он не спал, он искал в памяти тот день, когда жизнь изменила русло.

Широкий человек глядел в опустевшую переднюю часть чума, где еще вчера при свете очага поблескивало его оружие, но мысль соскальзывала с воспоминания о проклятой ночи.

Помимо воли вспоминалось другое – день, блистающий цветами осени и солнца, растворенного в воде.

Ябто вздрогнул от мысли, что по цвету этот день очень похож на нынешний. Он случился полтора десятка лет и один год назад.

Старшего сына он назвал Ябтонга, или Гусиная Нога, ибо считал его частью своего тела и знал, что настанет время, когда сын пойдет его путем. В те дни Ябтонга делал первые шаги. Младший – Явире – Блестящий, прозванный так за ярко-черные волосы и сверкающие щеки, еще лежал в люльке.

Жена широкого человека, Ума – или Женщина Поцелуй из рода Тёр – людей Крика, вновь беременная, доняла мужа причитаниями, что выкинет плод, если не наестся жирной рыбы великой реки – тайменя и осетра, которые, в Сытой реке почти не попадались. Она была так настойчива, что Гусь, обычно слушавший только себя, захотел жирной рыбы сильнее жены. В те времена люди отправлялись в дальний путь не столько для того, чтобы запастись жирной рыбой, сколько наестся ее до отвала. Люди верили, что сила сочной мякоти останется с ними на весь год, до следующей весны.

Через день пути лодка широкого человека оставила за собой устье. А потом семь дней Ябто – весело и яростно – вел против течения лодку под сшитыми ровдугами по гладкой, как клинок, воде Йонесси и Женщина Поцелуй удивлялась его упорству и силе.

Широкий человек искал место для стойбища и нашел его помимо воли.

Что-то несильно ударило по днищу и сидевший на корме Ябто увидел – лодка задела тело человека. Тело, перекатываясь, уходило вглубину, широкий человек видел его только мгновение и успел различить босые ноги, с которых река сорвала пимы.

Ни женщина, ни старик не придали значения удару об днище – возможно, они его не слышали. Ябто собирался сказать о покойнике, но глянул в сторону берега и, не говоря ни слова, направил свою лодку туда, куда не следовало направлять, – к устью неизвестной малой реки, которая могла оказаться чьими-то угодьями, и потому не миновать стычки с хозяевами. Издалека опытным глазом Ябто увидел след войны.

– Зачем идешь туда? – тревожно спросила Ума.

– Хочу посмотреть... молчи.

Они не знали, людям какого народа принадлежало это стойбище – плоская, поросшая невысокой травой поляна, прикрытая ровным полукругом леса с одинокой скалой и тремя валунами у воды.

Чумище еще дымилось оголенными очагами. Враги превратили быль в небыль, не оставив от протекавшей здесь тихой жизни ничего.

Ябто бродил по разоренному обиталищу людей, пытаясь отыскать в траве хоть что-то, – уже не ради поживы, а из любопытства – и не нашел никаких следов борьбы, кроме камня с оленью голову, залитого черной кровью, – липкой, еще недавно бывшей в теле человека. Гусь подумал, что в стойбище, когда пришли чужие, совсем не было мужчин, и голодный враг завладел всем без боя. А кровь – мало ли откуда она могла взяться, ведь и женщины, которых берут в добычу, носят с собой ножи для рукоделия.

Крюкохвостые, резвые собаки Ябто искали что-то свое, широкий человек совсем забыл про них и вспомнил, услышав лай. Где-то в лесу заливалась молодая чернявая сука, незамеченная в беличьей охоте, и Гусь побежал на звук, скользя по влажным мшистым валунам. Он

долго не мог отыскать собаку, и вдруг подумал, что чернявая, заметив на ветвях зверька, сама без приказа хозяина начала охоту. Но, увидев ее, понял, что добыча не наверху, – сука лаяла, пригнув передние лапы и почти положив морду на землю, будто выгоняла зверя из норы.

Это была добыча, вид которой так изумил Ябто, что в первое мгновение он не мог понять, кто перед ним.

В небольшой ложбине, между тремя высокими лиственницами, сидели дети. Они сидели неподвижно и прямо, как два вбитых в землю колышка, один из которых был заметно выше другого, и молчали. Их лица покрывали пятна мокрой грязи, к щекам прилип мелкий сор – будто дети только что выбрались из-под земли. Чернявая уже захлебывалась лаем, и даже окрик широкого человека не остановил ее, – хозяин запустил в собаку камнем. Лай прервался коротким жалобным взвизгом и пропал.

Наступила тишина, которая показалась Ябто безмерно долгой, и тут колышек, что поменьше боком упал в матово-зеленую мякоть мха и запищал. Тоненькой, колыхающейся паутинкой плач поплыл сквозь тайгу. Следом подал голос другой колышек – он орал стоя, по-рыбьи широко открыв рот, и слезы брызгами выскакивали из его глаз и лились, пробивая широкие русла на покатых грязных щеках. И теперь уже два плача, переплетаясь, пронизывали тайгу – не услышать их здесь, вблизи стойбища, оставленного людьми и животными, было невозможно.

На крик с берега шли домашние Ябто – впереди беременная Женщина Поцелуй с младшим сыном за спиной. Старшего вел за руку Кукла Человека – уже тогда он был стар до потери имени.

Широкий человек прожил со своей женой совсем недолго, чуть больше трех лет, и каждый день убеждался, что она полностью оправдывает и свое собственное имя и имя своего рода Тёр, людей Крика.

Женщина, прозванная Поцелуем за то, что еще маленькой девочкой лезла с объятиями к родным и незнакомым, ко всем, включая собак, выйдя замуж, требовала ласки каждое мгновение свободное от дел, и во время любви кричала так, что распугивала птиц вокруг стойбища.

Ябто отдал за эту сочную, как осетровая мякоть, девушку, несколько десятков песцовых, лисьих и собольих шкурок и каменный котел – почти треть отцовского наследства – и всерьез опасался, что на столь любвеобильную жену даже у него, молодого и крепкого, не хватит сил и дорогое приобретение будет ему изменять.

Но едва Ума произвела на свет первого и тут же, следом, второго ребенка, Ябто понял, что опасения его напрасны – настоящая страсть Женщины Поцелуй не в любовных утехх, а в детях. Больше того, казалось, роды для нее не мука, а удовольствие: Ума сама сказала, что хотела бы стать рыбой, чтобы дети вылетали из нее один за другим, как икринки. Теперь, когда детей было двое, она кричала на них не замолкая и находила в этом удовольствия не меньше, чем в любви.

С начала их жизни Ябто наказал себе объездить Женщину Поцелуй, и со временем ему это удалось. Но тогда, на разоренном стойбище, стояла прежняя Ума – ноша за спиной и ноша в животе только придавали твердости ее ногам. Она первой сбежала в ложбину, схватила самого маленького и ладонями начала вытирать его лицо. Потом, обхватив второго, сделала то же самое.

Тогда Ябто понял, что дело уже решено ею, и сердце его вдруг сдавило сомнение.

– Стой, – сказал он.

Широкий человек предчувствовал, что сейчас жена заголосит. Он ошибся. Ума положила маленького на землю, встала и, запустив руку в мягкое, рывком откинула пласт мха, будто одеяло. Потом она повернулась к мужу и сказала ровно и твердо:

– Кто-то спрятал их здесь, подо мхом, поэтому они остались живы. – И добавила: – Я больше не хочу жирной рыбы.

Последние слова были глупостью, которую, по врожденному умению пропускать мимо ушей все ненужное, Гусь тут же забыл. Он начинал понимать главное: сейчас к нему пришла такая добыча, какой не было еще никогда. Эти дети, большой и маленький, наверное, ровесники его собственных сыновей. И вдруг Ябто увидел себя в окружении четверых воинов – красивых, рослых и преданных ему, как собаки. Видение было настолько ясным, что Ябто улыбнулся широко. Ума видела эту улыбку и поняла, что муж все решил про себя так же быстро и твердо, как и она сама.

Взяв на руки обоих, широкий человек сам отнес детей к берегу, где их ждала лодка. Дети уже не плакали. Они подали голос только тогда, когда Ума, зачерпывая пригоршнями из реки, начала отмывать их лица.

Вода открыла ей удивительное – лицо у детей было одно.

Ума вглядывалась и не находила даже малых отличий. Там, в лесу, и сама Женщина Поцелуй, и широкий человек без слов, согласно, приняли детей за братьев-погодков, таких же, как их собственные сыновья, потому что один был заметно крепче и на полголовы выше другого.

Ума позвала мужа.

– Кажется, что они делили одну утробу, – сказала она.

Посмотрев на них, Ябто произнес:

– Глупости... Думай о другом. Их надо кормить. Чем?

Привычным движением Ума сняла кожаную люльку за спиной, в которой тарашил глаза четырехмесячный Блестящий, бережно положила ее на траву перед собой и начала развязывать тесьму на летней парке.

– Скажи дяде, чтобы не смотрел! – крикнула она, и Ябто не успел опомниться, как увидел жену голой по пояс. Грудь в зеленоватых прожилках шлепнулись на округлившийся валун живота.

– Здесь на всех хватит, – улыбаясь, громким шепотом произнесла Женщина Поцелуй. – На всю тайгу. Поддай мне обоих.

Ябто подал детей.

– Ищите, – говорила Ума, – раз голодные, – ищите и ешьте. Ну...

Дети лежали неподвижно. Заметным усилием, Ума властно прижала их к себе – большой мальчик шумно сопел, начиная задыхаться, но губ так и не разомкнул; маленький отворачивал голову, насколько хватало шеи и уже собирался закричать...

Вместо него закричал Блестящий, лежавший в заплечной люльке у ног матери. Тут же пронзительно заорал Гусяная Нога, находившийся поодаль вместе со стариком. И следом женщина из рода Тёр собиралась завести привычную громкую песню, но остановилась на полувдохе.

Как только закричали ее родные дети, приемыши начали сосать. Они сосали жадно, как вечно голодные щенки, утробно повизгивая, захлебываясь молоком.

– Уходи, – сказала Ума мужу и громко позвала старшего сына.

Ябтонга бежал к матери, он путался в собственных ногах и несколько раз упал носом в прибрежную гальку, отчего рев его становился все громче и яростней.

Гусь шел к лодке, возле которой на комле выброшенного рекой дерева сидел старик. За спиной широкого человека раздавалось что-то, напоминавшее звуки войны; среди воя он разобрал только знакомые слова: «Не орите... бурундуки жадные... хватит на всех...» Здесь между Ябто и Куклой Человека произошел разговор – один из немногих в их жизни.

– Зачем они тебе? – спросил старик.

– Мужчины, – ответил Ябто.

– У тебя нет своих мужчин?

– Подрастут – станут моей силой.

– Пока растут – кормить надо. А когда вырастут – женить. Разве ты богат? Где такой калым возьмешь? На четверых калым – если все выживут, конечно...

Широкий человек повернулся, приблизил свое лицо к лицу старика и улыбнулся загадочно.

– Пока не умру – будут со мной. За это время наживем столько калыма, что они заберут всех невест тайги. Тогда – пусть живут как хотят.

Какое-то время они безмолвно стояли глаза в глаза. Молчание прервал Кукла Человека.

– Помнишь завет?

– Какой?

– О том, что память не в уме, а в крови. Кровью помнят люди.

– Ты о чем, старик?

– Будто не знаешь о чем. Подрастут – будут мстить.

Изумленный Гусь едва не подпрыгнул.

– Где ходил твой ум, когда ты говорил это? Я их от смерти спас. Через день они бы умерли от ночного холода, если бы еще раньше не достались волкам.

Но тут поднялся старик и показал гнев, которого раньше никто не видел.

– Знаешь ли ты, какого они народа? Какие боги их ведут, какие духи охраняют – это тебе ведомо? Кто ты такой, чтобы наступать на хвост судьбе?

– Я их судьба, – спокойно сказал Ябто и пошел прочь.

О том, к какому племени принадлежат эти дети, узнать было невозможно. По ничтожной малости лет они научились издавать лишь скомканные звуки, видеть в которых слова мог только кто-то очень близкий.

На великой реке они все же отведали жирной рыбы и возвратились в родное стойбище за несколько дней. Ябто даже не ставил свою ровдугу и едва прикоснулся к веслам.

Через три месяца после возвращения с Йонесси, Ума родила дочь. Имя ее Нара – Девочка Весна.

* * *

То, что мальчики делили одну утробу, Уме подсказал бессловесный разум женщины. Она верила ему больше, чем правде, которой не могла знать и решила, что один из детей первым хлебнул живительного сока утробы и потому вышел на свет вдвое большим, чем брат.

Новые сыновья утверждали Уму в ее правоте.

Мало того, что у приемшей было одно лицо, они одновременно болели, плакали, просили есть, разом начали ходить и выговаривать первые слова, вдвоем играли с ее родными детьми и во всем жили, как единое тело.

Ума не делала различий между ними и своими сыновьями, всем доставался одинаковый кусок, шлепок и подарок, на всех хватало ее крика, в котором трудно было различить ругань и ласку.

Но прошел год, и открылось другое.

У детей было одно лицо, и жизнь билась в них одинаково, но души их были похожи друг на друга, как медведь и евражка.

Когда у большого мальчика прорезались зубы, он тут же пустил их в ход – укусил отца за палец. Ябто, обычно скупой на ласку, захотел повеселить новообращенного сына и потрепал его за нос – с быстротой змеи дитя впилося в ласкающую руку. Гусь расхохотался и опять поднес палец к лицу младенца, но тот, обхватив его обеими ручонками, засунул в рот и сжал челюсти что было сил. Хохоча, Ябто одернул руку, он и в самом деле почувствовал боль. В тот же день широкий человек дал приемышу имя маленькой рыбы, которую невозможно взять, не уколовшись, – Лар, или Ёрш.

А маленький был тих и почти незаметен, – настолько, что даже Ума, окруженная детьми и увязшая в заботах, иногда забывала о его существовании. Зато он первым из детей начал говорить – это были вполне различимые очертания слов, которые могла понимать не только Женщина Поцелуй. Лишь однажды незаметный ребенок всех удивил. Весной, когда уже сошли снега, малыш, не имевший имени, подошел к костру, у которого сидели отец и мать и, ткнув пальчиком в небо, произнес:

– Тиця... ку-а... ку-а...

– Что он говорит? – спросил Ябто.

– Птица, – ответила Ума. – Показывает, как гуси кричат...

Широкий человек повернулся, глянул в небо, на котором не было ничего, кроме крепких, сверкающих облаков, и рассмеялся.

– Где ты видишь птиц, заморыш?

Они разошлись каждый к своим делам и до полудня, когда солнце взошло на вершину, положенную для весны, не помнили о нем, – тихий ребенок сам о себе напомнил. Он подбежал к костру, у которого вновь собрались отец и мать, и, показывая рукой в ту же точку неба, закричал:

– Ку-а... Ку-а... Тиця!

Ябто уже растянул губы в улыбке, но остановился – он услышал знакомый звук, вскочил, задрал голову и увидел: в густой синеве проявляется колыхающаяся линия, похожая на надломленную ветку. Это был первый караван нынешней весны.

– Угадал, – удовлетворенно произнес широкий человек, садясь на лиственничную колоду возле огня.

Эта история наверняка ушла бы из памяти взрослых, но следующим утром мальчик без имени вновь подошел к родителям. Показывая в небо, он опять произносил: «Тиця», – и спустя много времени, не меньше половины дня, с той стороны, на которую указывала крохотная рука, выплыл караван. Так повторялось несколько раз, приемыш никогда не ошибался – надломленные ветки, змейки, стаи возникали будто по его велению. Гусь начинал думать неладное, но Ума, вернувшись однажды из маленького чума своего дяди, которому она носила еду, сказала мужу:

– Не иначе он слышит птиц за полдня полета.

– Врешь, – не поверил Ябто.

– Нет. И еще бывало такое: один слепой старик водил за собой племя, пробуя землю на вкус, и никогда не сбивался с пути. За это его прозвали Умный Язык.

– Тогда этот – Собачье Ухо, – сказал широкий человек.

Так я получил свое первое имя – Вэнга.

Лар

Лар начал драться, едва научившись стоять на ногах.

В такую пору, да и намного позже, матери не смотрят, кто кому разбил нос, – и Ума не смотрела. Растаскивая сцепившихся в клубок парней – двух, трех или всех разом, – она щедро раздавала тумачи. Только потом Женщина Поцелуй начала замечать, что в этом клубке мог быть кто угодно из детей, но Ёрш – всегда. Она пыталась намекать на это мужу, но тот велел ей молчать, ибо мужчина должен драться, так же, как женщина шить и рубить дрова. Таков вечный закон...

Ябто сам смотрел на эти битвы издали, сложив руки на груди и примечая в уме, кто чего стоит. Гусиная Нога был хорош, Блестящий – в меру хорош, Собачье Ухо никуда не годился, а отличный охотник на медведя и еще лучший – воин выходил только из Ерша.

Ябто ничуть не смущало то, что приемыш лучше его родных сыновей.

Так продолжалась несколько лет. Когда в драках начала появляться настоящая кровь, широкий человек попускал и этому. Но главного он не видел – из-за чего дерутся его сыновья. Почти всегда у битв была одна причина: Лар защищал брата. По моей малости родные дети Ябто стремились вытолкнуть меня из общих игр или поставить на место ничего не значащее и даже позорное. Лар раньше меня замечал обиду и сжимал кулаки.

Но широкий человек не делал между нами различия. Подошло время, и он склеил сыновьям луки, каждому по его силе, и начал водить на охоту. Я помню, как принес в стойбище свою первую добычу, – тетерева.

То были времена мира.

Жизнь шла по пути, намеченному широким человеком, и вдруг споткнулась.

Лар разбил голову Ябтонги.

Они не дрались – боролись по всем правилам поединка. Было несколько коротких схваток, в каждой из которых брал верх мой брат. Но Ябтонга проявлял упорство и требовал бороться еще. В конце концов Лар рассвирепел от его настойчивости и, повалив на землю, схватил за волосы и несколько раз ударил лицом об камни.

После этого Ябтонга уже не просил продолжения борьбы – его лицо заливала черная кровь. Он поднимался с земли долго, как старик, волоча ноги, побрел к родительскому чуму и упал на половине пути. Ябтонгу сотрясала рвота. Все, и сам Лар, потеряли речь от страха. Я незаметно отделился от братьев и побежал за матерью.

Ума голосила над сыном, как над мертвым.

Отец увел Лара за стойбище, велел снять малицу и избил его постромками до такой же обильной крови, какая залила лицо Ябтонги. Оба слегли, но молодые тела быстро справились с ранами. Вскоре оба были на ногах и глядели друг на друга, как два чужих пса, готовых в любой миг броситься и разорвать друг другу глотки, но знающих, что сзади на них смотрит страшный хозяин.

Ябто понимал, что был суров, но не особо переживал об этом – по себе он знал, что молодая злость проходит так же быстро, как и появляется. Он ошибался – спустя месяц его старший сын вышел из леса, опираясь на плечо Явири: на лице Ябтонги не было крови, но шел он, как идет раненый в живот.

На это раз широкий человек не бил Лара – он запер его в лабазе. Он чувствовал – происходит нечто более важное, чем обычные мальчишеские драки, пусть даже замешанные на настоящей злобе. Ябто думал, как поступить ему на этот раз. Его предчувствие было верным, хотя главного он не видел.

Я был свидетелем той драки.

Отец приказал Ябтонге, Лару и мне идти на берег и нарезать ивняка для плетения пастей. Едва чумы скрылись за деревьями, Гусиная Нога и Ёрш остановились, поглядели друг на друга, молча бросили на землю ножи и сцепились.

Схватка была долгой и прекратилась, когда Лар, изловчившись, несколько раз ударил Ябтонгу коленом под дых. Тот упал, извиваясь червем.

Из стойбища, будто узнав обо всем, бежал Блестящий. Мы оторопели от страха, и какое-то время стояли и смотрели, как мучается Ябтонга. Когда он сделал первый вдох, похожий на олений хорк, Лар протянул ему руку, помогая подняться.

Но тот поднялся сам и сквозь одышку произнес:

– Подожди... придет время – на твоей спине ездить буду.

Он посмотрел на меня.

– И на твоей. Все будем ездить на ваших спинах.

Сказав это, Ябтонга начал падать, и младший брат проворно подставил ему плечо.

Они пошли в стойбище. Лар остался на берегу – и я с ним. Слова Ябтонги так поразили нас, что мы не думали о страхе наказания: мы смотрели друг на друга, будто спрашивали – что они значат? Лар и Ябтонга не раз говорили друг другу злые слова, но эти были особенными, мы чувствовали – в них, помимо злобы, есть что-то еще.

Нам, так же как и Ябтонге, шел пятнадцатый год. Широкий человек приказал беречь тайну, и о своем происхождении мы не знали, считая себя родными детьми Ябто и Умы.

И взрослые до этих дней жили в покое, видели, как сыновья понемногу превращаются в мужчин и были этим довольны, забыв о том, что их разум тоже растет.

В раннем детстве родные дети Ябто не обращали внимания на то, что у Вэнга и Лара одно лицо. Теперь они видели это. Кроме того, Ябтонга начал раздаваться вширь, как отец, а Явире был мягок телом и имел такие же пышные щеки, как у матери. А эти двое – хоть и разные по росту – оставались сухощавыми, с прямыми оленьими лицами, и волосы их имели тускло-серый цвет, не похожий на яркие черные головы прочих обитателей стойбища.

От рождения и до сей поры между детьми не делали никакого различия. Но сомнения зудели в головах сыновей широкого человека.

Однажды Ябтонга спросил у матери, когда она родила Вэнгу и Лара. Раньше его или между ним и Блестящим? Вопрос застиг Уму врасплох: занятая тяжелой работой – она скоблила шкуру, – мать не смогла ответить сразу и внятно.

– Так и есть, – помедлив, сказала она. – Ты старший, Явире – младший.

Ябтонга хотел было спросить, на сколько он старше однолицых братьев, но мать прогнала его, – было видно, что любопытство сына для нее тяжелее скобления шкур.

Зуд в голове становился сильнее, и в конце концов Ябтонга так осмелел, что подошел к отцу и спросил прямо:

– Почему Лар и Вэнга не похожи на тебя, и на нас? Может, наша мать...

Договорить он не успел, ладонь широкого человека опалила огнем его лицо и погасила свет в глазах. Он замолк и с той поры больше ни о чем не спрашивал.

Не было нужды задавать вопросы, к тому же столь опасные, когда он и так все понял. Ябтонга ничего не знал, но правда стала ему ясна, как солнце: Вэнга и Лар – чужие. Мать подтвердила это своим молчанием, отец – ударом.

Своей радостной тайной он поделился с Явире-Блестящим. С той поры братья стали друг другу еще роднее, и тайком подолгу говорили об участии чужих. Слова о том, что они будут ездить на спинах Вэнга и Лара, сами появились в уме Ябтонги, и губы произнесли их легко, ведь он твердо знал, что выходит на поединок с чужаком.

И теперь избитый Ябтонга уже твердо верил, что иначе быть не может. Рано или поздно отец покажет братьям с оленьими мордами их место. Должно только пройти время, которое, к несчастью, плетется, как усталый аргиш.

* * *

Ябто не стал бить Лара – запер в пустом лабазе и запретил носить ему еду. По мысли широкого человека это было самым разумным: пока голод будет ломать звереныша, он успеет во всем разобраться, разодрать сцепившихся змей и разбросать по траве.

Он вновь ошибся – его намерения разрушила Ума. Весь день она отпаивала отварами больного сына, а вечером, придя в большой чум, – растрепанная, черная от слез – упала в ноги мужу и завывала:

– Убери Лара... увези его, выползка...

Ябто пытался успокоить жену, и, кажется, в тот вечер это у него получилось: Ума уснула, отвернувшись от него, но на другой день все повторилось, и на третий. Ума выла упорно и страшно, надеясь сломить волю широкого человека, но вместо этого добила его гнева. Как огонь начинает ворочать воду на дне котла и кипящий водоворот идет к поверхности, так накалялось нутро Ябто. И когда Женщина Поцелуй прокричала:

– Ты нарушил завет – чужую кровь, чужих духов привел! Прав был дядя...

Ябто ударил жену и ушел.

В отдалении от стойбища он наскоро поставил себе маленький походный чум и остался в нем.

Демон сказал ему грустное – то, что Ябто понял бы и без него: с мечтой о четырех воинах, преданных его голосу и даже движению губ, придется расстаться. Все, за что он платил трудами, терпением и добротой, обратилось в прах. Он вспоминал детские пальцы, которые сам накладывал на оперение стрелы...

Той частью ума, которая не превращается в слова и действия, но все равно существует, он понимал, что все правы, кроме него, – и старик, и жена, и сын, и даже Лар. Они поступают так, как велит им заложенное до рождения.

Ума, для которой дети и родовые муки – радость, уже не будет прежней. Не она, а кто-то другой, живущий в крови, выбирает ей истинного ребенка.

И тот же дух, наверное, живет в теле буйного приемыша и шепчет что-то свое.

Домашние не искали отца, хотя знали, что уходит последнее перед долгой зимой время кормящей осени: они были тихи, как старый обезножевший пес.

Но однажды утром – светлым прозрачным утром, омывающим сердце молодым, еще не набравшим злобы холодом, – Ябто вышел из чума здоровым. Силы вернулись к нему.

Семья раскалывается – значит, нужно собрать семью, как собирают стада тундровые пастухи – палками, собаками и страхом, не упрасывая каждого оленя бежать в загон. Ябто знал, что ему делать.

Когда-то, очень давно, еще подростком, отец взял его в поход, который предприняли, объединившись, семьи нескольких юрацких и тунгусских родов. Они ушли далеко, так далеко, как Ябто не кочевал никогда в жизни, – к верховьям Йонесси, где обитали народы, живущие разведением невиданных в тайге зверей – лошадей и овец.

Они дошли до тех мест, где тайга обрывается голым пространством в плавных холмах, утыканных стоячими камнями, и возобновляется у подножия гор, покрытых вечным снегом.

Там была война – добрая война. Ябто вспомнил убитого врага, в руках которого была короткая палка, имевшая продолжение в виде длинной косицы из заплетенных тонких ремней. Товарищи отца столпились вокруг врага – убитый, по всему видно, был человеком высокого звания.

– Это – зачем? – спросил юный Ябто, указывая на палку. – Пасти оленей?

– Нет, для оленей палка слишком коротка, – рассмеялся отец. – Это – чтобы бить. Просто бить и больше ничего.

Семья Гуся жила дичью и рыбой, а олений имела самую малость, только для перекочевов. Подобная вещь была в их краях лишней. Но теперь Ябто вспомнил о ней, и, сидя в походном чуме, несколько дней отдал тому, чтобы сделать себе такую же.

Плеть оказалась удивительной вещью. Она открыла Ябто тайну: человеку не все равно, чем его бьют. От каждого битья – разный прок. Одно дело, когда рукой, или тем, что попадет под нее в мгновение гнева, – человек, понял Ябто, может стерпеть и даже простить такие побои. Иначе бывает, когда появляется вещь, сделанная только для того, чтобы причинять боль, – особенно если она сделана искусно. Сам вид такого орудия ломает любое упрямство и делает волю мягкой, как глина.

Наконец, плеть делает другим того, кто держит ее.

Сжимая рукоять нового орудия, Ябто прогнал слова старика о памяти, живущей в крови. Он избавился от стыда за ошибку – что сразу решил сделать приемышей наследниками, а не рабами. Раб – дело хлопотное: его надо стеречь и помнить, что даже сломленный и покладистый невольник, все равно что забытая в лесу яма с кольями на дне... Пусть не увидит Ябто себя в окружении четырех воинов – пусть будет два воина, это неплохо, у других и того нет. Теперь широкий человек знал, как жить, и успокоился.

– Не слушали меня доброго – послушают меня с плетью, – сказал Ябто в полный голос и, быстро сложив походный чум, пошел к стойбищу.

* * *

Четыре, а может, и пять дней, во время которых отец не показывался в стойбище, никто не решался подойти к лабазу, где был заперт Ёрш.

Я страдал, но и у меня не хватило духу.

Одно было ясно: то, что совершил Лар, уже не покрыть никакими побоями – оставалась только смерть. Но и поверить в то, что глава семейства, как оленя к празднику, убьет человека, который считается ему сыном, люди не могли.

Ябто вернулся в стойбище с новой вещью, притороченной к поясу. Сыновья и жена широкого человека никогда не видели подобного орудия, но не спрашивали о его назначении – на такой вопрос уже не было смелости, да и нужды не было.

Увидев плеть, жена широкого человека увидела в муже безвозвратную перемену и стала тихой.

Однако после возвращения Ябто не показывал свирепости, кажется, даже он был добр – сразу пошел в свой большой чум, сел у горячего котла и попросил у жены маленький нож – резать мясо.

– Ты же знаешь, я люблю есть маленьким ножом, – почти приветливо сказал он.

Ума вскочила, проворно сбегала в дальнюю часть чума и принесла то, что просил муж.

– Знаю, – глухо произнесла она, садясь напротив.

Широкий человек ел с удовольствием, не спеша. Наевшись, по своей привычке вытер пальцы о волосы и отвалился на спину. Ума гадала, о тех первых словах, которые скажет муж. Ябто чувствовал это и блаженно, подолгу облизывал жирные губы. Ума уже открыла рот, чтобы спросить – не позвать ли сыновей, но муж сказал сам, продолжая лежать на спине:

– Пойди к Ябтонге и Явире, пусть откроют лабаз и отведут его.

– Сюда?

– Зачем? Здесь он не нужен. К себе в чум.

Женщина Поцелуй быстро поднялась, чтобы идти – в ней появилась суетливость.

– А ты...

Ума замерла у порога.

– Ты – покорми его. Да не давай сразу много, налей маленькую миску теплого рыбного супа. Иди.

* * *

Ябтонга и Явире забрались по лестнице на лабаз, стоявший на лиственничных сваях высотой в рост взрослого человека. Вдвоем они вытащили из широких пазов тяжелую жердь, которая перекрывала дверь.

Лар лежал в углу лицом вниз, подложив ладони под грудь.

– Вставай! – крикнул старший сын Ябто.

Лар не шевелился. Братья не решались сразу подойти к нему.

– Подох? – робко спросил Блестящий. – Смотри...

Этот лабаз Ябтонга построил недавно – во многих местах свежие сосновые бревна покрывали отметины, похожие на те, которые делают медведи на границах своих угодий.

Сильнее голода Ерша мучила жажда. Он лизал еще хранившее влагу дерево и, чтобы добраться до нее, кровавил пальцы и рот. В лабазе имелась небольшая щель, сделанная для света и воздуха, через нее можно было просунуть ладонь и поймать хотя бы несколько капель дождя – но на беду Лара все дни его заточения выдались ясными и сухими.

– Он ел дерево, – почти сочувственно произнес младший брат. – Видел?

Ябтонга промолчал. Он сделал глубокий вдох, решительно подошел к Ершу и, ухватив его за плечи, начал переворачивать на спину. Наверное, он и в самом деле решил, что Лар околел, потому что когда тот ожил и сам сел на пол, отскочил от него к самой двери. Блестящий метнулся в угол.

Лар глядел на братьев и улыбался, показывая порозовевшие от крови зубы.

– Вставай! – крикнул Ябтонга. – Отец приказал отвести тебя в наш чум. Вставай, говорят тебе.

– Не торопи... сейчас встану.

Желая показать бодрость, он попытался вскочить, как вскакивал утром со своей постели, одним рывком оказываясь на ногах, но тут же рухнул. Зрение Ерша заслонила темнота, в которой мерцали дивные непонятные знаки. Братья взяли его за руки и потащили к выходу.

– Как спускаться будем? – спросил брата Явире: обмякший Лар явно не мог идти своими ногами по лестнице.

– А сбросим, – громко ответил Ябтонга.

– Заче-ем. Убьется – отец нас убьет.

– Скажем, что сам убился. А? Скажем?

– Что ты...

– Скажем, скажем... Эй, рыба морда, может, убьешься? Сам. Все равно ты не жилец. Да, брат, не жилец. Отец, слышишь, сделал палку с ремнем. Таких ни у кого нет. Долго делал, все время, пока ты здесь дерево глодал. Это он для тебя старался, для тебя, братишка.

Ябтонга говорил это медленно, с наслаждением, приближаясь лицом к лицу Лара, – они почти соприкасались носами.

– Может, сам? – улыбнувшись, повторил он.

Вместо ответа Ерш прикрыл глаза как бы в знак согласия, и вдруг изо всех оставшихся сил ударил своей головой в лицо Ябтонги.

Ябтонга отпрянул, из носа его потекло. Придя в себя, он поднялся и пошел на Лара, выставив вперед руки, напряженные, как самострелы. Блестящий кинулся в ноги брата и закричал:

– Не надо, отец нас...

Но Ябтонга уже не смог бы сделать то, что хотел, – Лар, перевернувшись, змеей прополз к выходу и в одно мгновение исчез из лабаза.

Когда изумленные братья опомнились и подбежали к двери, Лар стоял на четвереньках и по-песью лакал воду из ложбины в рыжем плоском валуне. Он выпил все, вылизал камень, медленно поднялся и стоял, пошатываясь, как чахлая лесина. Не дожидаясь пока братья спустятся, он пошел к стойбищу.

Но похвальба Лара быстро закончилась – одна его нога помешала идти другой, и он рухнул лицом в мох. Братьям вновь пришлось волочить за руки обмякшее тело до самого чума. Они не видели, как Лар улыбался.

Его бросили на шкуры и, тяжело дыша, вышли вон, – отец сказал им, что отныне Лар будет жить один до той поры, пока он не решит его участь. Братья перешли в жилище отца, Ума и Нара – в нечистый женский чум. И, видно, по тяжести своих дел и по моей малости люди стойбища забыли обо мне. А я лежал в дальней части чума, зарывшись в шкуры, и сжимал губы изо всех сил, чтобы не разрыдаться.

Когда вышли Ябтонга и Явире, я выбрался из укрытия и подошел к Лару.

Он увидел меня и улыбнулся, обнажив потемневшие от крови зубы.

– Заморыш... брат... А ведь я побил его, Ябтонгу, снова побил его, росомаху, падальщика.

И он рассказал мне все, что было в лабазе.

– Зачем ты так делаешь?

Лар приподнялся и произнес недоуменно:

– Глупый ты. Если я не буду его бить, он задавит тебя.

– Тогда отец тебя задавит.

Он уронил голову и, помолчав немного, сказал:

– Не задавит... Отец, если он отец, должен радоваться сильному сыну. Будет радоваться, даже если отхлещет до черной крови. Я потерплю. Крепче шкура будет... Принеси мне поесть, брат. Укради, чтоб самому не попало.

– Украду.

Я не выполнил обещанного. Задвигался полог, и я едва успел юркнуть под шкуры.

* * *

Вошла Женщина Поцелуй. В руках ее дымилась деревянная миска с рыбным супом. Она поставила миску рядом с лежащим Ларом.

– Сможешь сам?

Лар молчал. Ума повторила вопрос, протягивая ему ложку, но Лар не ответил даже малым движением – он лежал, как бревно, упершись взглядом в клочок неба, проглядывавшего через дымовое отверстие. Ума подождала еще немного, затем подвинула чашку к себе, зачерпнула из нее и бережно поднесла к лицу Лара.

Лар обезножел от голода и последней битвы, но запах варева разбудил нутро. Он начал медленно приподниматься – он дрожал и, как мог, вытягивал губы. Ума влила в него несколько ложек жидкого варева, Лар глотал судорожно и после каждой ложки просил: «Еще... еще...»

– Хватит, – вдруг сказала Ума, отодвинув миску с остатками еды.

– Еще, – настойчиво повторил Лар.

– Нельзя, – твердо произнесла Ума. – Умрешь.

Лар застыл. Ума видела, как трясется его нутро, она ждала, что сейчас через открытый рот в нее вылетит проклятье, но не дождалась.

Лар заплакал.

Последний раз Женщина Поцелуй слышала этот плач, когда Ёрш был совсем мал. Она обхватила его голову, гладила ладонями мокрые щеки и повторяла:

– Бедный... бедный...

Ёрш плакал и не стыдился этого.

– Бедный... – повторяла Ума, – зачем ты сделал это?..

– Что? – вдруг спросил он, уняв плач.

– Зачем бил моего сына. Ты чуть не убил моего сына Ябтонгу.

– А я? – промолвил Лар. – Разве я тебе не сын?

Ума вздрогнула и замолчала – так молчит человек, которого ударили по голове.

– Разве я – не сын?

После этих слов миска улетела в темную глубину чума. Ума вскочила.

– Ублюдок!

Крикнув это, Женщина Поцелуй скрылась за пологом. Но слово не обидело Лара – оно упало в него, как камень в пустой котел, – видно, сил на обиду в нем уже не было. Внутри себя Лар почувствовал почти забытое тепло. Он повернулся на бок и, наверное, собирался уснуть. Но спать ему не дали.

* * *

В чуме показалось круглое каменное лицо Ябто.

– А ты крепкий парень, сынок, – сказал широкий человек, садясь у постели Лара. – Столько дней без еды, а жив, да еще имеешь силы кусаться. Крепкий парень.

Ёрш приподнялся.

– Что мне делать с тобой? Убить?

Ёрш молчал.

– Иначе ты поубиваешь здесь всех. Сначала Ябтонгу, потом Явире, потом, когда немного подрастешь, меня. Вэнгу и старика я не считаю...

– Мы боролись, – наконец промолвил приемыш. – Все по правилам.

– Ну да, – кивнул Ябто, – действительно по правилам. – Скажи прямо, ты ведь ненавидишь Ябтонгу, своего брата?

Ерш молчал.

– Ненавидишь, – ответил за него широкий человек.

– Он сказал, что будет ездить на моей спине. Моей и Вэнга, – наконец проговорил Лар. И добавил:

– Не сейчас... потом.

Ябто расплылся в улыбке.

– Вот как, – сказал он. – Какой умный у меня сын.

– Скажи – кто я? – вдруг спросил приемыш.

– Ты – ублюдок, – спокойно ответил Ябто.

– Мать говорит то же самое. Вы все невзлюбили меня. Скажи, я – чужой?

Ябто снял с пояса плетъ и приподнял ею подбородок Лара.

– Кто мне свой, а кто чужой – решаю я сам, не спрашивая ничьего совета. Чужим мне может стать любой, кто живет в моем стойбище. Ты бы лучше спросил о другом: сколько я скормил тебе мяса и что получил взамен?

Широкий человек замолк и произнес после недолгого молчания:

– Разве плохо тебе жилось, мальчик?

Лар поднял глаза – они были злыми.

– Хочешь меня убить – убивай.

Ябто убрал плетъ с подбородка Лара.

– Могу и это.

Он встал, собираясь уходить. У порога обернулся.

– Скажи, ты уже хочешь женщину?

Лар отвернулся.

– Хочешь, хочешь, – хохотнул Ябто, – я в твои годы уже хотел. Теперь слушай меня. Я тебя женю. На красивой девушке из хорошей семьи. Если тебе дорога жизнь, не выходи из чума, пока я сам к тебе не приду.

– Есть хочу, – сказал Лар.

Но широкий человек не слышал этих слов. Он заметил движение в дальней части чума, подошел, вытащил меня из-под шкур, одной рукой, как щенка, вышвырнул наружу и следом вышел сам. От страха я вжался в землю, но Ябто прошел мимо, не сказав ни слова.

* * *

В тот день Лар не получил ни крохи еды.

Я был близко и не мог подойти к нему. Я страдал и жил его душой. Я чувствовал – он лежит, слышит, как разговаривают люди, раздаются глухие хлопки топора и редкий пронзительный треск сучьев, – это мать трудится над очагом; он слышит гулкий удар большого котла о что-то твердое, наверное, камень, и последовавшую за этим ругань...

Лар не разбирает слов, они были ему не нужны, чтобы понять – там, очень близко, творится жизнь, которая совсем недавно была и его жизнью. Он глядит на свои руки, шевелит пальцами, бессмысленно рассматривает внутренность чума и понимает свое нынешнее настоящее, которое уже не соприкасается с настоящим этих людей.

Никто не приходил к нему.

Наверное, Лар надеялся, что о нем хотя бы говорят, но рваный осенний ветер смазывает речь людей. Голод, немного задобренный той малой пищей, которую принесла Ума, просыпается, но уже не тем отупелым сонным чувством, какое было в последние дни его заточения в лабазе. Голод просыпается злым и приближает Ерша к отчаянию.

В какой-то миг в нем возникает равнодушная смелость. Он переворачивается на живот, встает на четвереньки, потом медленно поднимается на ноги...

Но когда он выпрямился во весь рост – смелость ушла, как ее и не бывало. Слабость испариной ударила в лоб, колени задрожали и последнюю силу отнял страх.

В том была великая мудрость широкого человека. Он понимал, что если хотя бы немного откормить приемыша, тот забудет об угрозах и уйдет. Молодая утроба быстро переварит любую поселившуюся в ней болезнь, если, конечно, это не смерть, и тогда Ерша ничто не остановит. Но Ябто знал волшебную силу голода, ибо сам голодал когда-то...

Лар рухнул на шкуры и уснул. Сон был его единственным спасением. Проснувшись ночью – яркий черный круг неба в дымовом отверстии висел над его лицом, – Ёрш нащупал подле себя странную вещь, какую-то мокрую палку. Ощупав ее, он понял, что это оленья кость с остатками мяса, – он впился в нее зубами, рвал, глодал, обсасывал, гладил руками и языком.

В какое-то мгновение он с теплотой подумал обо мне и улыбнулся.

И так, раз в день или через день, просыпаясь, он находил подле себя немного пищи – такую же кость или миску с рыбьей головой и обмывками котла. Это удерживало от смерти и пробуждало нестерпимое желание жить, а, значит, питало страх перед Ябто.

Ёрш уже начал забывать обо всем, кроме своего голода, и был готов показать любую покорность, лишь бы увидеть, проснувшись, кость или миску.

Он думал обо мне, но ошибался – еду подбрасывала Женщина Поцелуй, и Ябто сам определял, сколько нужно принести.

* * *

Однажды утром Лар обнаружил рядом с собой миску – она была полной густого варева. Он подполз к еде и, обняв губами края,пил теплую мясную жижу. Потом, набравшись первой силы, поднялся, сел на шкуры и, хватая непослушными пальцами скользкие куски оленьих внутренностей, засовывал их в рот.

– Жуй, – раздалось откуда-то сверху. – Подавишься.

Это говорил Ябто – широкий человек нависал над Ларом, превратившимся в усохшего тихого мальчишку.

– Не жадничай, сегодня еще раз дам тебе поесть, а завтра – едем.

– Куда? – недоуменно спросил Лар.

– Женить тебя повезу. Или забыл?

Лар онемел. Он помнил слова широкого человека, но принял их за насмешку.

Лар обдумывал сказанное, будто обсасывал положенный в рот речной камешек, бессмысленно перекачивая языком ненужную, непонятную вещь без вкуса и запаха. Он знал, что такое жениться, видел свадьбу, и все равно не понимал, о чем говорит Ябто.

Но эта немота продолжалась совсем недолго. Слова о том, что сегодня будет еще еда и, наверное, – Ёрш очень надеялся на это, – такая же щедрая, как сейчас, вытолкали из его одышливого, чахлого ума мысль о странном намерении Ябто. У него не было сил на обиду и злость, он уже не мог чувствовать то, что должен чувствовать каждый человек на его месте, – ненависть к широкому человеку. Мальчишка глядел на своего мучителя слезливыми, благодарными глазами старой собаки. Он ждал вечера.

* * *

На другой день мой брат исчез из жизни людей стойбища. Он пропал незаметно, как вещь, небрежно привязанная к поясу.

С того мгновения, когда мудрому Ябто пришла мысль выжечь голодом строптивость приемного сына, прошло множество дней.

Сухая осень исчезла в один миг.

Ночью, когда Лар обглаживал последние остатки мяса на большой кости, которую, уже не таясь, принесла Женщина Поцелуй, внезапно затрясся чум – это злой предзимний ветер ворвался в тайгу.

Ветер выл и швырял тяжелый снег огромными горстями. Снег проникал в чум через дымовое отверстие, засыпал очаг, а вслед за ним тем же путем вполз холод и набросился на Лара.

Он забрался под шкуры, дрожал и, согревшись дрожью, уснул.

Утро приготовило ему путь.

Он еще не проснулся, когда в чум вошел Ябто, не сказав ни слова, схватил железными руками за малицу – у ворота и внизу – и выбросил наружу. Лар пришел в себя, ударившись лицом об жесткий снег. Он долго не был на воле, от первого глотка холодного воздуха закружилась голова, бесчисленные и неразличимые звуки, обитавшие на открытом просторе, роем хлынули в уши. Ему казалось, что он долго лежал на снегу – на самом деле всего лишь мгновение. Ябто взял его за шиворот и рывком поставил на ноги.

– Идти можешь?

И Лар пошел, удивляясь самому себе, – прежняя слабость в коленях исчезла. Ябто держал его за рукав и сам направлял на нужный путь. Ветер утих, щедро засыпав землю снегом. Никто из людей не вышел им навстречу. Стойбище будто вымерло.

Ябто приказал людям сидеть в жилище и не показывать носа. Все они гадали о судьбе Ерша.

Широкий человек сам открыл ее в последний вечер.

– Завтра повезу Лара жениться. Я знаю одну семью.

Было молчание.

– А калым? – наконец робко спросила жена широкого человека.

– Отработает. Года за три, если не сбежит.

– А что за семья? – поинтересовалась Ума – любопытство пересиливало страх.

Помолчав, Ябто произнес значительно:

– Семья с другого берега реки.

Я увидел, как Ябтонга опустил лицо – он прятал улыбку, которую не мог сдержать.

Этим немногими словами и улыбкой люди стойбища расстались с Ларом.

Казалось, Ябто поступал неразумно, задумав идти чрез реку, не дождавшись льда. Но как готовят вяленое мясо, так он готовил Лара к этому путешествию, которое обдумывал долго и не без удовольствия. Ради этого он был готов перейти реку вброд – Ябто знал это место – по пояс в жгучей воде, перемешанной со снегом, перейти вместе с груженными оленями и Ларом, которого широкий человек так же считал поклажей.

Ябто пристально глядел на Лара – тот дрожал от холода и глядел куда-то в сторону.

– Что мне с тобой делать? – спросил то ли его, то ли себя широкий человек. – Дашь тебе пожрать – сбежишь, не дашь – свалишься с оленя...

– Я не сбегу, – сказал Лар.

– Тогда садись.

Приемыш медлил. Теперь он глядел не в сторону, а прямо на человека, который был ему отцом, и на мгновение сквозь голодную муть Ябто успел различить в этом взгляде прежнего Ерша.

– Дай поесть...

– Садись на оленя. Еду получишь, как переправимся через реку. – Ябто усмехнулся и добавил: – Сразу. Большой кусок.

Лар выдохнул досаду и полез на спину старого белолобого быка. Забравшись, он понял, что стал выше, хоть и совсем немного, ибо олень невеликий зверь. Он обернулся и в последний раз посмотрел на стойбище, покачнулся и закрыл лицо рукой, будто его мутило, – то к лицу подкатила тупая бесслезная тоска.

Лар понимал, что покидает стойбище не просто так. Но другого дома он не знал, и люди, жившие здесь, были для Ерша всем человеческим родом. И теперь, голодный и смирный, он покидает дом в одиночестве, исчезает, как несчастный охотник, нечаянно угодивший в болото в глубине тайги.

Подъехал Ябто, взял оленя за рог и потянул за собой. Когда малый аргиш сделал несколько шагов в сторону речного берега, Ёрш закричал:

– Вэнга! Вэнга-заморыш! Брат...

Ябто молча осадил своего быка. Подойдя к Лару, он стащил его на землю и ударил коленом в живот. Затем положил обмякшее тело на оленью спину и, взяв упряжь, сел верхом, осмотрелся и свистнул. Из-за чумов вылетел пятнистый остроухий пес – сынок той чернявой суки, которая пятнадцать лет назад нашла двух мальчиков неподалеку от мертвого стойбища людей неведомого народа.

Аргиш тронулся.

Заморыш

В чуме молчали. Первым заговорил Ябтонга – в отсутствие отца он считал себя главным мужчиной.

– Лар звал тебя, – сказал он мне. – Чего не ответил? Оглох? Может, ты больше не Собачье Ухо?

Я молчал, уставившись в пустоту.

– Обиделся на заморыша?

Ябтонга встал, подошел к выходу и приоткрыл полог – отец разрешил выходить из чума, когда не останется даже малого звука уходящего аргиша.

– Сегодня много дел и все на нас, – важно сказал он матери и брату. И добавил, обращаясь только ко мне:

– Выходи, не бойся. Думаешь, Лара нет, так буду обижать тебя?

Я встал и вышел.

Я понимал, что, так же как и Лар, переступил порог другой жизни. Меня разрывали мысли, едва понятные мне самому, воспоминания и звуки, и вся душа была как лес, гудящий оводами и гнусом.

Достоинством Лара была неслыханная дерзость.

Моим достоинством был слух, помогавший слышать птиц за полдня пути. В стойбище уже забыли об этом чуде, увиденном много лет назад. Но слух не исчез. Как и всякий дар богов, вселившийся в человека, он обладал собственной волей. Он ловил далекие исчезающие звуки, которые казались мне совсем ненужными: свист крыла птицы, упавшей за дальней скалой, треск растущего корня, распирающего каменистую землю, чьи-то вздохи, плач людей, о которых я не знал. Но мало, очень мало слов доходило до меня, а мне так хотелось знать, о чем говорят вокруг, особенно когда мой разум начал постигать то, что происходит или может происходить меж людьми.

Бывало, я слышал, как бахвалится Ябтонга, – вместе с Явире-Блестящим они уходили в лес и говорили о своей будущей счастливой жизни, о которой не решались говорить в чуме, боясь Лара. Но чуда здесь не было, я слышал это не как Собачье Ухо, а как всякий подслушивающий человек.

Когда я начал сомневаться в своем прошлом, я, не имея смелости спросить о нем, надеялся на помощь моего дара. Но люди, знавшие правду, не говорили о ней даже сами с собой. Ябто носил мысли в себе, никому их не доверяя, мать утонула в страхе и забыла не только о словах, но и о том, как любила кричать, а Кукла Человека жил, не видя особой надобности открывать рот.

Но однажды вошедшее в меня чудо показало свою волю странным образом: я услышал, как думают люди. Это было какое-то непонятное гудение, или тонкий слабый свист – разобрать эти звуки, понять их смысл было невозможно. Но слух мог обнимать звук, как вещь, он чувствовал в нем тяжесть камня, остроту железа, легкость выпотрошенной клестом шишки. И в последние дни, когда судьба Ерша катилась вниз, звук стал тяжел, страшен, невыносим.

Звуки придавили меня. Когда Лар кричал мое имя, сидя на оленьей спине, я опустил лицо и с той поры стал тихим, как тишина.

* * *

Гусиной Ноге нравилось играть в хозяина: до возвращения Ябто старший сын распоряжался всем, приказывал матери делать то, что она делала всегда, – рубить дрова, носить воду для котла, варить еду. Вместе с Явире он чинил старые, почти развалившиеся грузовые нарты,

на которых, залезши в отцовский сокуй, отправился на охоту. Мне он велел оттащить подальше от стойбища головы диких оленей, добытых недавно.

– Воняет, – сказал он, уезжая.

Я ташил в лес тяжелые мерзлые головы, не издававшие никакого запаха, потом помогал матери. Женщина Поцелуй – одна из всех – жалела меня, только жалость ее походила на воровство. Однажды, когда никого не было рядом, она, оглядевшись по сторонам, подошла ко мне, взяла руку и вложила в ладонь лакомство – затвердевший на морозе кусок оленьего жира. Погладила по голове и сказала: «Э-эх ты...»

Через несколько дней, когда вернулся широкий человек, все узнали об участии Лара.

Участь его была счастливой. Ябто сам рассказал о ней, сидя у очага в большом родительском чуме, уже отоспавшийся и отъевшийся после тяжелого путешествия. Первым словом он напомнил, что принадлежит к славному роду Ненянгов, людей Комара.

– Мы никогда не брали жен и не сватали женихов с другого берега реки, – сказал он. – Теперь я сделал это. Лар, мой сын...

Люди подняли головы.

– Мой сын Лар, – продолжил Ябто, – оказался плохим сыном. Злым, дерзким, ленивым. Этим он отплатил мне за то, что я кормил его от рождения, дал одежду, оружие и учил всему, что должен знать человек. Как отец должен поступить с таким неблагодарным сыном?

Люди молчали.

– Убить, – шепотом сказал Ябтонга. Отец его услышал.

– Можно и так. Но я решил отплатить добром за причиненное мне зло. Я дал ему возможность родиться заново. Три года он будет пасти стада оленевода Хэно – это будет калым за его дочь. У Хэно самая большая семья во всей тайге. Лар будет помогать его людям управляться с оленями, а они ему помогут избавиться от спеси и дерзости. Старик принял его с радостью, и мы должны радоваться вместе с ним. Лар будет помнить мою доброту.

Ябто обвел взглядом семью и заговорил о том, что хотели услышать от него.

– Только люди Нга, к которым принадлежит семья Хэно, понимают, как устроен человек и какая из пяти душ в нем главная. Только люди Нга могут сделать человека другим. Поэтому я пошел на тот берег реки.

– Их все боятся, – сказал Блестящий.

– От глупости. Я давно знал, что все небылицы про людей Нга, про те страшные жертвы, которые они приносят богам и духам, разносят недоумки. Люди гадают насчет того, что хотят бесплотные – мяса, жира, варки, а может быть, крови лучшей собаки – и часто ошибаются. Только люди Нга знают это точно. Потому удача всегда с ними. На этом берегу Лар погиб бы от родительского гнева или стал бы бродягой, не своим очагом живущим, – тогда его так же ждала бы гибель. При его дерзости можно видеть только такой путь. А на том берегу он останется жить. Пусть помнит мою милость к нему. И вы помните.

Ябто встал, он хотел выйти из чума по надобности. Вместе с ним встали сыновья.

– Идите к себе, – сказал широкий человек.

С того берега он привез дивный роговой лук и невиданный нож светлого железа с белой рукоятью.

* * *

Ночью я не спал, ждал, когда Ябтонга и Явире заговорят между собой о судьбе Ерша. Однако братья молчали и, убаюканный их ровным дыханием, я уснул.

Сон прервала вонючая теплота – резвой стружкой она падала на лоб и растекалась по лицу. Я открыл глаза и увидел, что стружка выскакивает из Ябтонги, в полный рост стоящего у моего изголовья. На своей постели испуганно хихикал его младший брат.

Когда произошедшее прояснилось в моей сонной голове, Ябтонга закончил свое дело и завязывал тесьму на штанах.

– Будешь жаловаться на меня отцу? – спросил он.

Явире захихикал громче.

– Или, может быть, отомстишь?

Я выскочил из чума.

Предутренняя луна и одинокая звезда, неотлучно следующая за ней, уже собирались уходить за лесистую сопку. Я ушел далеко в лес, стащил с себя малицу и, опустившись на колени, начал оттирать снегом лицо, лоб, волосы. Я смывал с себя скверну, пока голова не превратилась в сосновую ветку, покрытую длинными жесткими иглами. Потом вывернул капюшон малицы и, набрав в него снега, мял руками, ногтями выскребал белые комки, прилипшие к меху. Ни обида, ни злоба не трогали меня.

Опустевшая душа молчала, готовясь к чему-то большему.

Ябтонга исполнил давнюю мечту – он уничтожил своего врага, пусть даже это был не сам враг, но маленький человек с его лицом. Страх, что я пожалуюсь отцу, тревожил его, но совсем недолго.

В конце концов Ябтонга был готов заплатить за это счастье исполосованной спиной. В глубине души он готовился к испытанию, считая себя настоящим воином. Мужество ему не понадобилось – все сложилось как нельзя лучше. Заморыш Вэнга никому ничего не сказал – кто сам поведает о таком позоре? – а побить старшего сына Ябто у него не хватило бы сил.

Но главное было в том, что вернувшись с другого берега, отец вовсе перестал замечать меня.

Впрочем, так было и раньше. Для ума широкого человека находились более достойные думы, перед которым молчаливый мальчик, остановившийся на переходе в мужчину, мало что значил.

Зато Ябтонга с каждым днем становился все более радостным и резвым – радость передавалась младшему брату. Душа Ябтонги была, как рыба, которой чудо помогло выпутаться из сети, – он стал вдвое понятливей и сметливей, любое дело спорилось в его руках, он метко бросал аркан, научился охотиться со щитом и с оленем-манщиком. Широкий человек радовался и все чаще доверял сыну дела взрослых. Однажды Гусиная Нога сам добыл сохатого – на четырех нартах добычу доставили в стойбище. Мне досталось тащить санки с лосиной головой...

Ябтонга мечтал о женитьбе, войне и новом взрослом имени, которое тайно дается всякому человеку, когда он вырастет из смешного детского прозвища. И чем больше становилось счастье Ябтонги, тем меньше оставалось жизни для меня.

Ябтонга придавил меня, как некогда Лар в материнской утробе.

Незаметно меня оттеснили от общего котла. Всякий раз, когда мужчины садились есть, Ябтонга – не отец – говорил мне: «Принеси дров – здесь мало», или «Накорми собак». Наконец, вместо матери я стал носить еду Кукле Человека, который почти никогда не выходил из своего чума и ел только там. Старик ни словом не обмолвился со мной – он открывал глаза, чтобы показать, куда поставить еду и потом снова впадал в привычное забытие.

Так или иначе, я садился есть вместе с женщинами – Умой и Нарой. В этом была справедливость, потому что я выполнял женскую работу – заготавливал дрова, таскал воду – и ни слова не говорил в свою защиту.

Вышло по прощальному слову Лара: Ябтонга задавил меня.

* * *

А следующей осенью был день, изменивший мою жизнь.

Я принес еду Кукле Человека. По привычке, не взглянув на старика, повернулся, чтобы уйти, но услышал голос.

– Хорошо, что ты скромный, – сказал старик. – Это к лицу сироте. Сирота должен быть скромным.

Я замер.

– Кто сирота, дедушка?

– Ты, милый, ты. И братец твой Лар – оба вы сироты. Чужого народа дети.

– Но у меня есть отец и мать...

– Говоришь то, во что сам не веришь, – сказал Кукла Человека. – Молчишь?

Опустив голову, я произнес:

– Лар дрался. А Ябто строг...

– Молчи, умные глаза, и слушай. Ябто тебе не отец. И Ума не мать, хоть кормила своей грудью тебя и твоего брата. Хочешь знать, кто ты и откуда?

– Кто?

– Не знаю. Давно, много лет назад, Ябто и мы вместе с ним пошли на лодке к Йонесси за жирной рыбой, и там нашли вас. Ваше стойбище было на самом берегу и, наверное, там была война. А вас кто-то спрятал под мох – так вы и остались живы. Ябто и Ума спасли тебе жизнь, помни об этом.

– Зачем спасли?

– Он хотел разбогатеть мужчинами, – сказал старик и чуть слышно засмеялся, – а разбогател вами: Ларом, от которого избавился, отправив к людям Нга, и тобой – заморышем.

Кукла Человека наклонился вперед и прошептал:

– Поди сюда, поближе, я тебе скажу еще одну тайну. Тебе будет интересно...

Голос старика шуршал снежной осыпью.

– Я ведь отговаривал Ябто брать вас. Да, отговаривал.

– Почему?

– Подумай сам. Не знаешь?

– Не знаю...

Кукла Человека произнес, затворив веки:

– Нельзя брать чужого. Не все, что попало тебе на пути – твое. Поймешь это, когда пройдет время, – если будешь жив, конечно. А теперь суди сам, что вышло: Ябто хотел сделать из вас сыновей-воинов, а теперь зол, что его желание не сбылось. В конце концов, он мог сделать вас своими рабами, но рабом человек становится с самого начала, как только кто-то из богов решит послать ему такую судьбу. Но даже рабов из вас не вышло. Какой раб, например, из Лара, если в нем зрел вождь? Хотя ты, может, и стоишься для этого – ты скромный, тебе можно мочиться в лицо...

Я вздрогнул.

– И ты слишком слаб, ты как женщина.

– Что мне делать?

Старик ответил мгновенно:

– Беги.

– Куда?

– Куда хочешь, только беги. Дальше – хуже будет. Тебе нечего ждать здесь – ни наследства, ни жены ты не получишь. Только объедки, побои и самые тяжелые ручные нарты. Ты ничей, даже я не знаю, какие люди могли бы принять тебя за своего. Когда вас подобрали, вы были так малы, что ни слова не могли произнести на своем языке. Какой ты юрак? Но если ты побежишь, то, может, угадаешь замысел о твоей судьбе? Может, так и было задумано там, – старик ткнул пальцем в дымовое отверстие, – или там! – палец уткнулся в пимы старика.

– Скажи мне, где тот берег, на котором нас нашли?

– Как я могу сказать тебе – почти слепой. Тьма рек припадает к Йонесси.

Кукла Человека слегка нагнулся и сказал с усмешкой:

– Ябто знает. Спроси у него.

Глаза его глядели без добра.

– Тогда пойду к людям Нга, искать Лара.

– Для тебя люди Нга ничем не отличаются от других людей – ты всем чужой.

Внезапно голос его сорвался и стал теплым, почти знакомым.

– Беги, – прошептал Кукла Человека. – У тебя ноги молодые, ходкие. А сила... Сила – дар, который дается и отнимается, когда того пожелают высшие. Сам человек не может себя сделать сильным, даже если способен поднять на плечах сохатого. Вот Лар был силен – где теперь твой Лар? Понимаешь меня, мальчик?

– Да.

– Беги... ноги ходкие...

Я вышел из маленького чума. С того мгновения, как закрылся полог, слово старика стало моим сердцем: беги – беги – беги... – говорило сердце.

В одно мгновение все переменялось, и мутная жизнь стала ясной.

Никто из людей не знал, какую спасительную тайну носит в себе Собачье Ухо.

Нара

С того мгновения появилось у меня занятие – я готовился к побегу. Каждую вещь, каждое услышанное слово прилаживал к своему замыслу. У меня был свой лук – один из трех, которые сделал когда-то широкий человек своим сыновьям, каждому по силе. Того, что достался мне, хватало, чтобы добыть глухаря или зайца, но я знал, что это уже полдела. Оставалось где-то раздобыть побольше стрел, подновить лыжи и достать еды на первое время.

Стрелы я пробовал мастерить сам – уходил к реке, срезал маленьким ножом лозу в зеленых прибрежных зарослях, откладывал трубчатые полые кости, чтобы потом вырезать из них наконечники. Это было трудным делом: меня почти никогда не брали на охоту – прекрасным охотником рос Ябтонга, его удачи и удачи широкого человека хватало на то, чтобы семья не голодала.

Явире ходил по пятам брата и отца и изнывал от медлительности времени, которое мешало в одночасье стать таким, как они.

А я, Собачье Ухо, оставался в становище помогать Уме и Наре. Женщины не обижали меня, но и не отпускали от себя без надобности. Девочка Весна – в ту пору ей шел четырнадцатый год – наверное, считала меня одной из своих кукол, и требовала, чтобы заморыш постоянно был на виду.

– Ты слабый, тебе нельзя уходить далеко, – говорила она.

– Я – мужчина.

– Какой ты мужчина, – смеялась Нара. – Сходи на реку, там есть светлый лед, отчисти его от снега и посмотри на себя.

Я брал топор, ручные нарты и говорил матери, что иду за дровами, а сам шел к тайному месту, в котором хранил заготовки для стрел и наконечников. Если каждый день делать хотя бы по одной стреле, то к исходу зимы можно наполнить колчан, с которым не страшно уходить в тайгу, – так думал я. Но руки еще плохо знали работу, наконечники получались кривыми и громоздкими, как клюв ворона, древки ломались... А самое главное, в ту пору я не знал, что стрелы из лозы делают только на забаву детям. Для настоящей стрелы нужен отобранный один из сотни высушенный лиственничный ствол, острое тесло, крепкие руки и несколько лет учения. Ничего из этого я не имел, ни разу не видел, как их делают. Но незнание мне заменило упорство.

Прошло много дней, прежде чем получилась первая стрела, какой я ее видел, – ровная, острая, с пестрым оперением филина. Вторая появилась быстрее, третья – за день.

Однажды, отправляясь за дровами, я бросил в нарты свой невеликий лук. Добравшись до тайника, бережно убрал снег с большого куска бересты, прикрывавшей хранилище, и достал первую стрелу. Чтобы не потерять драгоценность в ветвях, не сломать наконечник об твердое дерево, я выстрелил в небо. Стрела ушла ввысь, превратившись в мерцающую черную точку, на мгновение зависла в небе и начала возвращаться. Не задев ни единой ветви, кратким хищным шипом она вошла в снег в десятке шагов от меня. Но взять стрелу в руки я уже не мог – ее держала Девочка Весна и улыбалась. Она шла по моему следу и спряталась за широким стволом мертвой сосны. Нара улыбалась.

– Так-то ты рубишь дрова, – сказала она.

– Отдай.

Одной рукой Нара взяла стрелу за основание наконечника, другой за оперение.

– Хочешь – сломаю?

– Отдай.

Девочка Весна слышала дрожь в моем голосе.

– Зачем тебе стрелы?

– Охотиться. Хочу добывать зверя.
– Разве тебе не дают мяса?
– Хочу сам.
– Сам? Какой ты охотник? Сходи на реку, там есть светлый лед, отчисти...
– Я уже был на реке.
– Может, ты хочешь жить своим очагом? – сквозь смех спросила Нара.
– Хочу, – неожиданно для себя произнес я.
– Твой ум где-то далеко ходит, когда ты это говоришь. Ты мал ростом, ниже меня.
– Что из этого?
– Ты не осилишь лук, которым можно убить оленя или сохатого. Чем будешь кормить свою жену? Куропатками и рыбой?
– Мне не нужна жена.
– Это ты никому не нужен. Я бы удавилась постромками, но не пошла бы за такого заморыша. Если желаешь жить дальше, то живи здесь. Всегда живи.
Я сделал шаг навстречу Наре. Стрела в руках Девочки Весны согнулась дугой.
– Сломаю...

На мгновение я онемел, когда понял: еще слово – и эта злая тварь вытянет из меня спасительную тайну. Она и так знает почти все. Я зарычал от отчаяния и бросился...

Взвизгнула Нара, древко хрустнуло, вместе мы рухнули в снег, превратившись в зверька, бьющегося в силке.

Я пришел в себя, когда увидел розовое пятно на снегу – это была кровь. Костяной наконецник распорол щеку Нары, она сидела напротив, зажав рану ладонью, – красные змейки появились между пальцев и заползли в рукав парки.

– Покажи...
– Росомаха, рыбье дерьмо, – глухим шепотом выпалила Девочка Весна, вскочила и понеслась к стойбищу.

Первой мыслью была мысль сбежать прямо сейчас. У меня есть лук, несколько стрел, ручные нарты, маленький нож и топор.

Широкий человек, Ума и братья увидят распоротую щеку Нары, спросят, кто поднял на нее руку, и Девочка Весна расскажет о тайнике заморыша, который, скрываясь, делает стрелы, а кроме того, хочет охотиться сам, уйти и жить своим очагом. Больше всех удивится Ябтонга – он уже привык к тому, что человек, которому он мочился в лицо, почти совсем перестал разговаривать. Старший сын Ябто будет думать, что можно сделать больше того, что он уже сделал с человеком, носящим лицо ненавистного Ерша. Блестящий будет ему советовать...

Подумав об этом, я решил – достал стрелы из тайника, положил их в нарты, где уже были лук и топор, взял постромки и пошел.

Я не знал, куда идти, меня занимала только одна мысль – о том, что все решилось вдруг и помимо воли. Ходьба разгоняла кровь по телу, я уже думал о том, как добыть еду...

Но внезапный порыв снежного ветра разбудил чудесный слух, и впервые я различил речь – два женских голоса. Один выкрикивал ругательства, другой, сквозь плачь, тянул слова: «Тальник разорвал лицо, когда я покатила с обрыва...».

Здесь и остановились мои ноги. Я вернулся к тайнику, спрятал стрелы и пошел в стойбище.

* * *

Нара не предала меня, и я был благодарен ей. Но благодарность смешалась со страхом, что моя спасительная тайна висит на паутинке, которая есть прихоть Девочки Весны. И самое скверное было в том, что она, как мне казалось, понимала свою власть. В первые дни после

полученной раны она не обмолвилась со мной ни словом, даже не глядела в мою сторону, и тем измучила меня до слабости в руках и ногах.

Но однажды я понял, что делать, – благодарность должна быть отплачена.

У меня не было ничего, кроме одежды, детского лука, тайника и маленького ножичка для рукоделия, которые носят с собой женщины. Несколько дней я бегал в лес, поднимал припорошенную снегом бересту и сосредоточенно работал. Я уже не думал о стрелах – из костей, предназначенных для наконечников, я выточил бусы в виде малых птиц. Эту стаю, вздетую на тонкий ремешок, вырезанный из куса старой ровдуги, я преподнес Наре однажды утром, когда широкий человек с сыновьями ушел на большую ходьбу, а Ума сидела в чуме и скоблила шкуры.

Девочка Весна не удивилась: она взяла подарок, держала его на вытянутой руке и смотрела, как белая стайка прыгает и вертится на ветру.

– Нравится? – с надеждой спросил я.

Нара помолчала немного, будто желая всласть налюбоваться бусами.

Из ее рта вырвался лукавый смешок, искоса она глянула на меня.

– Боишься, что все расскажу отцу?

Слова Девочки Весны меня добили. Я ответил глухо и зло: «Нет», – и пошел к своей работе.

Той же ночью я решил бежать и проклинал себя за прежнюю слабость.

Железный рог

Все рухнуло, когда солнце заняло над сопкой место, означавшее середину дня.

К стойбищу приближалось не три, а четыре ездовых оленя.

Впереди ехал Ябто, а рядом с ним на огромном чернолобом быке – чужой человек. Он казался единоутробным братом хозяина стойбища, ибо так же не имел шеи, был одинаков с ним ростом и шириной плеч.

Но Ябто не имел братьев.

Этот человек был тунгус и носил прозвище Железный Рог. По его щекам скакали олени, с нижних век на щеки падали стрелы, по переносице полз змей, а рот был квадратным. Из всех тунгусов, покрывающих себя татуировками, он был первым в умении скрывать настоящее лицо.

Ябто и Железный Рог знали друг друга много лет – с тех самых пор, когда мужчины нескольких ненецких и тунгусских семей объединились для похода к верховьям Йонесси. Оба были тогда мальчишками, такими, как нынешние сыновья широкого человека.

Ябто встретил тунгуса в половине малой ходьбы от стойбища, и эта встреча заставила широкого человека отказаться от охоты.

– Славные у тебя парни, – сказал Железный Рог, – сильные. Мне бы таких, да я, брат, одинок.

– Отчего не женишься?

– Не хочу.

Шитолицый расхохотался, запрокинув лицо, и олени на его щеках отпрянули от змея.

– А парни славные, – повторил он. – Наверное, ждут от отца наследства – панцирей или железных рубах. Эй ты, – тунгус развернул оленя в ту сторону, где стоял Ябтонга, – есть у тебя железная рубаха?

Пока старший сын терялся, открывать ли ему рот для ответа, ответил отец:

– Хорошее железо дорого стоит. Не нажил еще...

– Пока наживет – состарится. Да и зачем наживать таким здоровым парням?

Ябто понимал, о чем говорил тунгус. Он сам не получил в наследство доброго оружия – отец по большей части предпочитал войне охоту. Панцирь светлого железа с желтой птицей на груди и островерхую железную шапку, добытые во время похода к верховьям Йонесси, отец потом променял на стадо в сто голов – он хотел стать оленеводом и навсегда уйти в тундру. Но в тот же год всех оленей прибрал мор.

В юности широкий человек мечтал об этом панцире, тайком доставал его и рассматривал желтую птицу.

Когда отец умер, Ябто не дал деревянной кукле, вырезанной в память о нем, ни капли свежей крови с охоты, ни куска мяса – дух отца расплачивался за глупость и унижение сына, проявленные в смертном теле. И после слов тунгуса он вдруг подумал о том, будет ли сыт после смерти.

Когда не на что купить доброе оружие, его можно добыть войной. Но подходящей войны боги не посылали широкому человеку, кругом жили и кочевали либо сильные, либо бедные. Эти мысли кратким остатком ветра пронеслись в его голове.

– Может быть, ты знаешь, где можно взять хорошее железо так же легко, как глухаря с ветки? – спросил он почти с издевкой.

Тунгус вновь рассмеялся и, внезапно прервав хохот, сказал голосом, в котором Ябто не услышал и отголоска смеха:

– Знаю.

Недолго они глядели друг другу в глаза.

– Поедем ко мне, – наконец произнес Ябто. – В лабазе много мяса. Будь моим гостем, Железный Рог.

* * *

По случаю приезда старого знакомого был праздник. Котлы кипели, и сытный дух плыл над тайгой.

Там в большом чуме за едой тунгус рассказал широкому человеку, что еще в месяц налива он гнал сохатого и загнал в чужие уголья. Добыча была слишком хороша, чтобы ее бросить, и Железный Рог бежал, не жалея груди. Зверь уходил туда, где горы становились выше и обрывались рекой. Сил в нем оставалось немного – стрела, попавшая на излете в заднюю ногу, только пробила кожу, но увязла наконечником в плоти, и жизнь уходила из сохатого, как вода из крохотной дыры в котле. Напротив, лыжи тунгуса шли споро, он перешел с бега на мерный шаг, и шел по следу, ожидая последнего верного выстрела.

Железный Рог был выносливее любого зверя – мог преследовать добычу или врага несколько дней без сна и еды. Он был одинокий охотник, живший там, где пожелает остановиться его душа. Он происходил от семьи известного рода Кондогир, за ним оставались уголья, но если Железный Рог и появлялся в родных местах, то тайком, как вор. Родичи давно его проклинали.

Лучшим его удовольствием было найти товарища для малого набега – для хорошей войны у тунгуса не было войска.

За годы после смерти отца и матери он накопил столько кровников, что мог в любой миг ждать засады. Но жизнь бродяги его радовала. Железный Рог любил опасность, ему нравилось догонять, выслеживать и скрываться. И потому тунгус не заботился, что гору мяса, которую он добудет сейчас, нужно тащить домой, – дом будет там, где он сделает последний выстрел. Тунгус выроет углубление в снегу, соорудит балаган из трех палок, небольшой ровдуги, которую он носит за спиной, бересты и камней, и будет жить один с огнем, есть мясо, жаренное на рожнах, или сырое...

Сохатый уже давно не показывался, но по следу Железный Рог видел, что зверь падал на передние ноги. Красные точки сопровождали след. Путь шел на подъем, к округлой вершине сопки тунгус поднимался, не ускоряя шага, – он знал почти наверняка, что на другой стороне горы лось сдастся. Он увидел зверя на плоской вершине – сохатый стоял боком, подставив все огромное тело под выстрел, и чутьем большого охотника Железный Рог понял, что зверь отдаст жизнь без последней схватки. Тунгус достал большую вильчатую стрелу, и оперение легло на тетиву.

Лось поглядел в последний раз на человека и – исчез. Охотник опешил – ведь он лишь на мгновение опустил глаза. Тунгус бросился по следу, и то, что увидел он, повергло его в еще большую оторопь.

* * *

Пробуравив толщу снега, огромный зверь катился по крутому склону – уже почти мертвый. К зверю, крича, бежали люди. Они были с луками, и, взглядевшись, тунгус увидел стрелы на теле лоса, много стрел...

Люди – их было четверо – окружили неожиданную добычу. Один из них, подошел к неподвижному зверю и большим ножом перерезал горло, чтобы выпустить из тела остаток жизни.

Эти четверо говорили на языке, который Железный Рог знал так же хорошо, как свой, – то были остяки, называющие друг друга «кет» и предпочитающие собак ездовым оленям.

Рысым слухом тунгус уловил слова, означавшие крайнее удивление. Какое-то время он раздумывал, стоит ли спуститься вниз и поспорить о добыче, но вскоре понял, что делать этого не стоит.

Из низины поднимался густой дым, какой бывает от множества чумов, и, наверное, эти люди – лишь малая часть тех, кто остался в стойбище. Но в тот день тунгус удивлялся не в последний раз.

К тем четверым шел пятый, кривоногий, низенький, еще крепкий старик. В его голосе был треск падающего дерева, и он сказал громко, будто нарочно для того, чтобы его услышал тот, кто скрывался на вершине сопки:

– Гнал – и бросил гнать. Нехорошо. Накажет его бог... Идите за нартами...

– Это был Тогот! – почти кричал тунгус в лицо Ябто. – Понимаешь, Тогот!

– О... – промолвил широкий человек. – О...

Каждый народ делал железо по своему умению, но остяки превосходили в этом умении всех, а Тогот – превосходил всех остяков. Он говорил с железом, как с любимым псом, и железо повиновалось ему. Ходил слух, что Тогот ведет свой корень от переселившихся в преисподнюю охотников на земляных оленей, отчего он так же, как эти люди, кривоног и ничтожен ростом, а самое главное – видит нижнюю часть земли лучше, чем ее поверхность.

Тогот кочует в поисках рыжего камня, так же как другие люди кочуют за стадами, либо в поисках изобильной добычи. Потому никто не знал, где живет старик. Он одевал в железо аринов, ассанов, югов, – всех, в ком жила остяцкая речь, и просил лишь о том, чтобы его работа не уходила к чужим.

Но, почитая Тогота, как великого шамана, люди соблазнялись огромной ценой, которую иноплеменники давали за ножи, пальмы, панцири и железные рубахи. К тому же остяки погибали в войнах, и работа старика уходила в добычу победителя – так о нем узнали все, и остяцкое оружие светлого железа стало во всей тайге признаком богатого наследства, а остяцкий скребок лучшим подарком невесте.

– Этот дым не от чумов, – говорил Железный Рог. – Он нашел свое железо, много железа, и жжет для него огромные деревья... Понимаешь?

Тунгус замолк, вопросительно глядя на Ябто. Широкий человек уже давно понял, к чему клонит гость.

– Много с ним людей? Только эти четверо? – наконец спросил он.

– Не думаю, что больше, чем я видел. Эти сопляки – его сыновья. Может быть, он взял с собой рабов. У Тогота всегда были рабы... Но на них оружия не нужно, хватит вот этой штуки.

Тунгус улыбнулся и показал пальцем на плетень, лежавшую рядом с Ябто. Широкий человек улыбнулся в ответ.

В тот день они больше не говорили о старике. Железный Рог был умен и знал, что надо подождать, пока осторожный разум Гуся довершит работу.

Утром, едва проснувшись, они вновь принялись за еду – задолго до рассвета Ума сварила мясо. Ябто заговорил первым:

– Нас всего двое.

– Твой старший сын – почти мужчина. Как его прозвище?

– Гусиная Нога. Другого зовут Блестящий.

– Я видел, есть еще один, маленький...

– Этого не считай. Заморыш, хотя годами ровесник Гусиной Ноге. Он больше пригодится здесь, в женской работе. Его прозвище Собачье Ухо. В детстве он слышал птиц за полдня полета. Слышит ли сейчас – не знаю.

– Вот как, – удивился Железный Рог. – Можешь позвать его?

Широкий человек крикнул во всю глотку, и через мгновение Ябтонга и Явире – неподалеку они упражнялись в стрельбе по куску оленьей шкуры, подвешенной к ветке сосны, – схватили меня и затолкали в большой чум.

– Твой отец говорит, что ты слышишь птиц за полдня полета. Правда?

Я услышал приветливый голос, но промедлил с ответом. Всякий раз, попадая в жилище широкого человека, нутро мое твердело, предчувствуя опасность, и теперь я видел ее в большой оленьей кости, которую Ябто разбивал камнем, пытаясь достать мозг. Ожидание не обмануло – кость со свистом полетела в мое лицо, но я успел увернуться.

– Ловок, – похвалил тунгус.

– Отвечай, – сказал Ябто.

– Раньше слышал, теперь – не знаю.

– Иди, – приказал Ябто.

Выскочив из чума, я не знал, что моя судьба была решена, едва я успел отойти на несколько шагов.

– У него глаза, как у соболя в петле, – сказал Железный Рог. – Нельзя таким глазам пропадать без дела.

– Пропадут – не жалко, – сказал широкий человек, и, помолчав, добавил. – Хорошо, возьмем его.

Ябто шел одеть в лучшее железо тайги себя и сыновей и чтобы Ябтонга и Явире попробовали войну. Тунгус жил разбоем, но из доброго железа имел только прозвище.

Чтобы умиловить духов, широкий человек решился на неслыханное – принес в жертву оленя-манщика, с которым добывал до десятка диких за одну охоту. Ябто, веривший в собственную щедрость, покидал стойбище со спокойным сердцем. Оставшимся широкий человек не сказал куда и зачем идет – то было не их ума дело, особенно, если лабаз полон.

Аргиш – десяток оленей и пять нарт – вышел на рассвете и через девять ночевок пришел к тому месту, где Железный Рог потерял сохатого.

Тогот

Тунгус был разумом набега.

Во время пути, на ночевках, он о чем-то говорил с Ябто в отдалении, так, что никто из молодых не слышал слов. Отец заставлял Ябтонгу и Явире упражняться в стрельбе. Моим делом было следить за оленями, ставить походный чум, разводить огонь и варить мясо. Ябтонгу, как молодого пса, изнутри колотила радость первой охоты, и эта радость распаляла младшего брата.

Приблизившись к тайному становищу остяка, Железный Рог расставил людей на месте войны. Мне было велено оставаться с оленями и нартами в логу между сопками. Родные сыновья широкого человека заняли места в засаде по краям стойбища Тогота, примыкавшего к малому озеру, в котором были сделаны проруби, чтобы брать воду и остужать железо.

Казалось, рыжий камень ждал остяка, приготовив к его приходу тьму мертвых лиственниц. Одни люди кузнеца, остервенело работая топорами, кряжевали стволы, таившие в себе смолистый, жестокий жар, и стаскивали их к печи, – почерневшим зевом печь глядела в глубь тайги. Другие, вставши по двое, огромными пестами толкли рыжий камень в неглубоких, плоских ямах. Издали было невозможно отличить, кто из них сыновья, а кто невольники – все были в одинаковых грязных малицах, с лицами, на которых каменная пыль и сажа смешались с многодневным потом.

Сам старик ходил по стойбищу и клял всех злыми остяцкими словами. В то утро его работа еще не началась. Тогот злился, что вчера эти ленивые росомахи, пожиратели дерьма и падали, улеглись спать сразу после еды, не заготовив дров и рыжего камня столько, сколько нужно, а день короток. Наверное, рабы и сыновья слышали эти слова так часто, что никого из них крик старика не заставил работать быстрее, да и сам Тогот только размахивал палкой...

Как рысь бросается на голову зазевавшегося охотника, так двое чужих упали на стойбище. Они скатились с крутой, почти отвесной возвышенности и, сделав несколько шагов, оказались в середине, возле печи.

– Родился – живи до старости, Тогот, – громко сказал тунгус.

Изумление перехватило речь старика, и его люди вздрогнули, как от удара, и прекратили труд. В тишине остался только один звук – веселый голос Железного Рога.

– Счастливое место ты выбрал, дедушка. Богатство само с неба валится – то мяса целая гора, то добрые гости. Съел моего сохатого?

Тогот долго смотрел на тунгуса и наконец вымолвил нехотя – из одной надобности не длить молчание.

– Зачем гнал и бросил? Бог тебя накажет... с голоду умрешь.

– Я – Железный Рог. Слышал обо мне?

– Может, и слышал да забыл. Зачем помнить каждого бродягу? У меня свои люди есть.

Старик приходил в себя, его голос становился все тверже, и его твердость передавалась людям. Четверо из них отступились от лиственничных кряжей и с топорами в руках окружили говорящих с четырех сторон. Это были сыновья старика.

– Не слишком ты добр.

– Разве шитолицый – к добру? – Тогот вскинул палку и показал на Ябто. – Юрак – шея песцовая – тоже с добром пришел?

Старик наступил на больное, ибо каждый человек его народа знал, что юраки и тунгусы – враги от начала времен. Юраки и тунгусы знали то же самое об остяках и селькупках.

– Зря ты, старик, – сказал Железный Рог, вкладывая в слова все миролюбие, на какое был способен. – Мы хотели посмотреть на твое дело – ведь, сказывают, великий ты мастер...

– Зачем пришли?! – рявкнул Тогот.

Его сыновья подошли на шаг ближе.

– Продай нам твоего железа.

– Не продам.

– Хорошо заплачу.

– Нет, сказано тебе...

– Почему? Может, поторгуюсь?

– Это остяцкое железо. Я ни с кем не торгуюсь, тем более с шитолицым.

– Послушай, если ты еще не успел наковать достаточно панцирей, ножей и клинков, мы подождем. Твоя работа стоит того, чтобы потерпеть оскорбления. Почему бы тебе не пригласить нас в гости?

Тогот примолк, опустив голову, а когда поднял лицо, пришельцы увидели его желтозубый рот, изрыгающий частые толчки беззвучного смеха.

– У тебя голова, тунгус, всего лишь жилище для вшей, – сказал он сквозь одышку. – Иначе бы ты понимал, что твое дело – живым отсюда уйти, а не в гости напрашиваться.

После этих слов стойбище запрыгало от хохота – хохотали сыновья поигрывая сверкающими отказами, хохотали рабы, обнимая песты, хохотал сам Железный Рог...

Не смеялся только Ябто – он подошел к старику и всадил ему нож в живот.

Он сделал это без суеты, молчаливо и привычно, как будто поддел кусок мяса из котла, и сыновья Тогота, не сумевшие сразу постичь неуволимого провала из смеха в смерть, промедлили мгновение, которое стоило им жизни.

Откуда-то из пространства вылетело две стрелы – одна прошила голову молодого остяка, другая пробила плечо его брату, стоявшему в нескольких шагах. Двое оставшихся судорожно шарили невидящими от изумления глазами, ища стрелков, – этого замешательства было достаточно для того, чтобы Ябто и Железный Рог бросились к ним и прикончили ножами.

Жизнь тайного стойбища пресеклась, как жизнь бледного насекомого, о котором говорил кузнец, смеясь над шитолицым.

Тогот был еще жив, когда тунгус подошел к нему и сказал:

– Зря, старик, ты не позвал нас в гости. Где твое оружие?

– Горе тебе будет от остяцкого железа, – промолвил Бальна побелевшими губами. – Тебе и твоему юраку. Падальщику...

Сыновья широкого человека выбрались из своих засад и бежали в середину становища. Ябтонга будто повредился умом, он не кричал – он скулил, ибо в его утробе бесновался обезумевший дух легкой победы. Он пускал стрелы в мертвые тела остяков и остановился только когда отец кинул в его голову кусок рыжего камня, валявшегося под ногами. Явире, приплясывая, искал свою стрелу, которая попала в плечо одного из сыновей Тогота.

Ябтонга примчался к отцу и заговорил, показывая на укрытие рядом с лазом в горе, откуда люди кузнеца выносили рыжий камень.

– Отец, там хаби, они живы. Они прячутся – дай мне их убить, отец, не откажи мне...

Гусиная Нога почти плакал.

– Понравилась война, сынок?

Ябтонга дрожал, будто вылез из ледяной воды. Он не ответил.

– Ты, наверное, думаешь, что такая война будет всегда?

– Отец, разреши мне...

Подбежал Блестящий – его взгляд был таким же умоляющим. Ябто принялся думать о рабах старика, но мысли прервал Железный Рог и показал пальцем на распадок.

– Смотри...

Только сейчас Ябто увидел две едва заметные ровные полосы – след лыж уходил в низину и пропадал между сопок.

– Я глядел близко, след уже под снегом, – сказал тунгус. – Он ушел давно, наверное, почти сразу, как мы пришли сюда.

Не сговариваясь, оба бросились к укрытию в горе, где, как щенки в метель, клубком лежали невольники Тогота – все они остались живы. Шитолицый выхватил одного за шиворот малицы.

– Сколько вас?! – заорал он. – Сколько, говори!

Раб хватал воздух широко открытым беззубым ртом и пытался что-то сказать, но голоса не было.

– Сколько!

Железный Рог поднес нож к горлу раба. Тот замер, перестал дышать и показал растопыренную пятерню, два пальца которой были отрублены до половины. Тунгус убрал нож, раб тут же юркнул в дыру и слился с грязным клубком собратьев.

– Он ушел туда, где наши олени, – сказал он Ябто. – Твой парень мог остановить его?

Широкий человек ответил, немного помолчав:

– Кажется, у него даже лука нет.

– Тогда скоро сюда придут остяки, – сказал тунгус. – Придут со всем своим железом и упадут на наш след.

– Надо собирать добычу.

– Подожди немного...

Тунгус встал на лыжи и побежал по следу.

* * *

Тот человек был самым ничтожным из всех пятерых рабов Тогота. Он не годился кряжевать лиственничные стволы, толочь рыжий камень пестом. Он, как и я, варил еду и следил за чумами.

Никто – ни сам старик, ни его сыновья – не помнили какого народа этот человек. Его замечали меньше, чем самую незаметную собачонку. Но это был тихий, работающий и самый верный раб. Тогот, не выпускавший из рук палки, ни разу не ударил его, ибо раб исполнял то, чего хозяин еще не успел захотеть.

Когда пришли чужие, невольник рубил на плахе подмерзшую сохатину – плаха была за дальним чумом, немного в стороне от стойбища, и пришельцы не заметили раба, а раб видел все. Он встал на лыжи, едва Железный Рог начал свой разговор.

Никто не знает, как он угадал беду, которой не чаяли другие люди Тогота. Он прошел совсем немного, когда увидел впереди малый аргиш. Олени разрывали неглубокий для такой поры снег в поисках мха. Неподалеку от груженных нарт стоял человек и держал лук, готовый к стрельбе.

Это был я.

Сердце сонинга

Уходя в набег, Ябто не спрашивал, есть ли у меня лук, – настолько я был мелок для широкого человека.

Дела Ябто были мне чужды и ненавистны, как он сам, но я был молод, и весть о войне разогрела мою кровь. Когда я понял, что в набеге ждет меня та же позорная работа, для которой не потребуется оружие, меня обожгла обида: я вспомнил теплую, мерзкую влагу на лице и весь свой тайный запас, лук и стрелы с наконечниками из кости, спрятал в нартах. А потом, на одной из ночевок, я украл из колчана Ябтонги настоящую стрелу с железным наконечником. В набеге мне хотелось быть не хуже других, хотя умом я понимал, что это обман.

Уходя, Железный Рог приказал мне никуда не отлучаться от оленей, чего бы не случилось. Так же, как и широкий человек, он не спрашивал меня об оружии, поскольку не мог себе представить человека, уходящего в тайгу без лука. Тунгус не видел во мне безумного.

– Смотри в оба, парень, – сказал он на прощанье, легонько стукнув меня по лбу. – Увидишь врага – стреляй, не раздумывая.

Когда исчезли четверо, я надел на лук тетиву, которую прятал под малицей, и достал краденую стрелу. Я радовался мальчишеской глупой радостью, что теперь мои руки не пусты и, я ничем не хуже тунгуса, Ябто и его сыновей. Чтобы почувствовать это, я поднял оружие и натянул тетиву в тот самый миг, когда под наконечником стрелы возникла крохотная фигурка.

Этот человек не сразу увидел аргиш, а увидев – остановился.

Наверное, он размышлял, куда идти, но мысль его не могла быть долгой – с обеих сторон поднимались крутые лесистые склоны, оставлявшие только один путь. Мы стояли неподвижно и смотрели друг на друга, понимая, что нам не разойтись.

Человек этот видел оружие и все же сделал шаг навстречу. Сердце мое увидело в нем врага и заколотилось бешено. Я крикнул:

– Эй... ты. Стой!

Человек остановился.

– Кто ты?

Ответа не было. Что-то подсказало мне другие слова.

– Ложись... ложись в снег и так лежи.

Идущий навстречу не двигался: теперь я видел ясно, что при нем нет ни лука, ни какого-либо другого оружия, разве что он прячет небольшой нож. Вместе с разгоняющим кровь видом врага, подступал ко мне страх убить, и сердце мое почувствовало облегчение, когда я подумал, что человек медлит оттого, что сейчас сделает по сказанному, ляжет в снег...

Я видел маленькое рябое лицо, застывшие глаза, рваную малицу – и ростом и видом он был похож на меня. Я ослабил тетиву и снова крикнул:

– Ложись!

Но человек не лег – он двинулся вперед и уже не останавливался, шел, широко размахивая руками, как идет уверенно знающий путь, и те же застывшие глаза смотрели на меня неотрывно, будто знали мой страх и презирали его.

Я выстрелил...

В тот миг звуки исчезли для меня, но зрение стало ясным, как свет: я не слышал, как тетива взвизгнула и ударила по рукаву малицы, не слышал свиста стрелы – только видел, как беззвучно ушла стрела навстречу человеку и остановилась в середине его лба.

Человек постоял немного и упал лицом в снег.

Из низины широкой поступью бога Манги поднимался тунгус. Он подошел к убитому, перевернул тело лицом вверх, и я увидел издали обломанное наполовину кровавое древко,

торчавшее из головы. Внезапно вернулся слух – нахлынули новые, казалось, только родившиеся звуки.

– Сюда! – рявкнул Железный Рог.

Я подбежал. Убитый глядел в небо открытыми застывшими глазами – он выпал из жизни, как птенец из гнезда... Снег под мертвецом покраснел до самой земли.

Ровный узор вокруг рта тунгуса едва двигался, когда он сказал:

– Смотри как надо.

Железный Рог вынул из ножен большой кривой нож, вспорол грязную худую малицу мертвеца, оголив тело – бледное, покрытое струпами – следом неизвестной болезни. В одно мгновение нож разрезал кожу под ребром, широкая рука тунгуса проникла в тело, как в узкий мешок, и шарила что-то нужное. Олени приплясывали на щеках, когда он резким движением вынул руку, и я увидел на почерневшей ладони неровный вздрагивающий шар.

– Ешь.

Тунгус не кричал – он говорил таким голосом, какого я не слышал ни от одного из людей.

– Ешь, – повторил Железный Рог. – Ты теперь не заморыш – ты воин. Такой же, как я или твой отец. Сколько бы ты не убил врагов, первый убитый враг должен жить в тебе. Это твое начало.

Но я не решался протянуть руку. Тунгус разрезал сердце пополам.

– Если боишься – съедем вместе.

Из низины, не спеша, поднимался Ябто.

Он встал в отдалении, смотрел на происходящее не двигаясь. Я увидел, как на лице широкого человека появилась и застыла едва заметная улыбка, и какая-то сила прогнала оцепенение из души, заставила протянуть руку и принять подношение тунгуса.

Увидев это, Ябто перестал улыбаться, повернулся и пошел в низину.

Железный Рог проводил его взглядом и после недолгого молчания заговорил:

– Слышал о сонингах?

– Нет.

– Это богатыри, каждый из которых стоит целого войска. Когда сонинг становится старым, просит убить его и съесть сердце, чтобы отдать силу своим людям. Ты один из этих людей.

– У него даже ножа не было.

– А ты не прости, – улыбнулся шитолицый. – Запомни. Человек, идущий безоружным на вооруженного врага, – сонинг. Даже если он раб. Поймешь это, когда сердце сонинга проснется в тебе.

Сказав это, тунгус улыбнулся широко, слегка хлопнул меня по лбу и ушел вслед за Ябто.

* * *

Железный Рог шутил, говоря, что он и его товарищи могут подождать, пока кузнец делает много доброго железа.

Железный Рог шуткой напроорочил беду. Добыча оказалась оскорбительно мала – всего лишь на полное вооружение одного воина. Одна рубаха из блестящих пластин, великая пальма с лезвием более широким и длинным, чем у обычного оружия, панцирь из двух половин и железная шапка. Там же в землянке под горой лежали бесформенные куски железа, до которого не добрались руки Тогота.

Тунгус печалился недолго. Он сказал Ябто, что добыча хоть и мала, но легко делится и предложил широкому человеку взять панцирь и клинок, а ему отдать рубаху и железную шапку. Ябто был недоволен. Железный Рог сказал, что может поменяться долями, но и это не утешило Ябто. Тогда тунгус сказал, что знает место, где можно обменять добычу на котлы, меха и стадо.

– Мне не нужны олени, – сказал широкий человек.

Тунгус хлопнул его по плечу.

– Зато у тебя есть свое войско – хоть малое да злое. Добудешь еще железа.

– Уходим, – сказал Ябто, взял свою долю и понес к нартам.

Гусиная Нога забежал вперед отца.

– Отец, там хаби... Помнишь, я тебе говорил. Что с ними делать?

– Что хочешь.

Ябтонга взвизгнул и, крикнув Явире, понесся к укрытию в горе, доставая на ходу стрелу.

Уходя, широкий человек слышал свист тетивы и вскрики. Человеческие голоса замолкли быстро, но оружие продолжало говорить.

В пути Ябто будто бы оттаял душой, приятельски беседовал с вечно веселым тунгусом.

Но после одной из ночевок – в половине пути до стойбища – Железный Рог не проснулся.

Я видел тунгуса... Он лежал в походном чуме вверх лицом, змей на его носу вытянулся и замер, олени на жирных щеках и узор вокруг рта обвисли, прижимаясь к короткой шее, поперек которой пролегла ровная кровавая полоса.

Долю и оружие тунгуса Ябто положил в свои нарты.

Тогот жил сам по себе и даже его род не знал, где кочует мастер. Поэтому весть о гибели стойбища дошла до остяков, когда весна оголила кости. Искать тех, кто погасил очаг, мог только большой шаман. Потеряв Тогота и всех его наследников, остяки поняли, что теперь они уже не владеют лучшим оружием. Они поклялись отыскать убившего – много их, или всего один человек.

Сердце раба

После набега Ябто и сыновья отсыпались и отъедались несколько дней. Покой загладил остатки досады, преследовавшей широкого человека всю обратную дорогу.

Но в те дни он впервые говорил со мной. Я тащил из лесу нарты с дровами, когда Ябто вышел из большого чума.

– Подойди ко мне.

Бросив нарты, я подбежал на зов и остановился в нескольких шагах, как того требовало почтение к высшему.

Хозяин стойбища присел на корточки, и его глаза оказались вровень с моими глазами.

– У меня никогда не было костяных стрел. Откуда они взялись? Я видел твою поклажу.

В речи широкого человека не было видимой угрозы, он говорил как хозяин, всего лишь наводящий порядок в своих вещах, а каждую свою вещь Ябто знал лучше собственной ладони.

– Ты украл железную стрелу, из тех, что я дал Ябтонге. Украл?

Собравшись с силами, Вэнга выдохнул.

– Да.

– Ты хотел сказать: «Да, отец».

– Да, отец.

Ябто улыбнулся.

– Почему украл только одну? Разве одной хорошей стрелы достаточно воину? Почему молчишь? Боялся, Ябтонга увидит, что у него не хватает стрел?

Обрадовавшись готовому ответу, избавлявшему от необходимости искать слова, я сказал:

– Да, отец.

– Ты ведь хотел воевать, как все, и мог бы спросить стрел у меня. Отчего не спросил?

Широкий человек поднялся – он понимал, что всякое слово заморышу не по силам.

– А ты – стрелок. Можешь не только глухаря добыть. Так откуда ты взял костяные стрелы?

– Сам делал.

– Зачем?

– На глухаря...

Ябто помолчал немного.

– Вспоминаешь тунгуса? – вдруг спросил он. – Не отвечай, вижу, что вспоминаешь. Наверное, ты хотел, чтобы он перерезал мне глотку? Ведь я строг, а шитолицый был добр к тебе. Он был единственным взрослым мужчиной, который разговаривал с тобой и к тому же научил, как достать сердце у врага. Каково оно на вкус? Как свежая оленья печень? Расскажи, каково это – отведать человеческого сердца?

– Не знаю.

– Тот парень был раб Тогота. Ты съел сердце раба и теперь сам можешь стать рабом. Ты это понимаешь? Понимаешь, как добр был к тебе Железный Рог?

Я опустил лицо.

Разговор надоел Ябто, он знал, что не дождется ответа от этого мальчишки с лицом Лара.

– Ты им уже стал, – сказал он. – У тебя не будет ни лука – даже такого слабого, ни стрел – даже костяных. Только нарты и топор, чтобы рубить и возить дрова. Мне не нужен сын, который отведал рабьего сердца.

Ябто развернулся и отправился в свой чум, услышав, как за его спиной покорно зашуршали полозья.

И вдруг куда-то под горло его ударила странная боль. Это был стыд. Назвав Вэнга сыном, широкий человек устыдился своей лжи. «Что заставляет тебя лгать?» – услышал он насмешливый голос своего демона.

Он дважды вздохнул во всю грудь, и боль исчезла так же внезапно, как пришла. Демон молчал. Ябто улыбнулся и с наслаждением подумал о том, что все дело в его великодушии, которым воспользовался какой-то проказливый дух и заставил заговорить с этим нелепым существом.

Спустя немного времени Гусиная Нога и Блестящий, гогоча, развлекались моим оружием. Они стреляли по старой лосиной шкуре, которую костяные наконечники едва пробивали.

Вечером сломанный лук и древки стрел потрескивали в очаге.

* * *

– Нету теперь твоих стрел. Чем охотиться будешь, хозяин?

Нара стояла напротив и тоненько смеялась.

– Все еще собираешься жить своим очагом?

Я старался не смотреть на нее – смех бил по лицу тонкой лозой. Невыносимо хотелось плакать, и когда мука дошла до края и дрова были выгружены, я выпрямился, поднял топор и сказал глухо:

– Уйди.

Нара перестала смеяться.

– А ты ударь, – произнесла она так, будто шепнула на ухо.

Положив топор, я принялся ломать об колено длинные ветки. Крик сухого дерева давал облегчение душе.

Я думал: хорошо бы сказать этой твари, что уже убил врага и отведал его сердца, – ведь она наверняка ничего не знает. Братья считают себя взрослыми мужчинами и по примеру отца не говорят с женщинами о своих делах.

Но прежде чем я успел открыть рот, Нара сказала:

– Боишься ударить? А ведь ты, кажется, уже убил кого-то.

Нутро вздрогнуло. После некоторого молчания я произнес, как мог сурово:

– Да, убил. Врага. И съел половину сердца.

– Ой! – Девочка Весна взвизгнула так, будто ей подарили бусы крупного бисера. – Настоящий воин! Настоящий...

– Да, настоящий.

Я почти кричал, вновь чувствуя позорную теплоту, подступающую к глазам.

– И настоящий воин делает бабью работу...

Нара не успела закрыть рот, как кривой сосновый сук просвистел перед ее лицом. В долгом молчании я увидел – ее черные глаза, похожие на два маленьких лука, раскрылись широко, будто кто-то натянул тетиву.

Наконец она сказала:

– Ты ведь не убьешь меня... как того... того, которого убил?

– Нет, не убью...

Я поднял со снега топор и положил его на нарты.

– Иди. Разве у тебя нет работы?

Но Нара не уходила.

– Хочешь посмотреть, как настоящий воин делает бабью работу, – смотри.

Девочка Весна стояла не двигаясь, не говоря ни слова, и вдруг заговорила так, будто доставала из заветного туеса свое главное сокровище.

– К отцу приезжал человек... они ели много мяса, ели несколько дней... громко разговаривали и смеялись...

– Слышал.

– Нет, ты не слышал. Этот человек приехал с другого берега реки, оттуда, где земли людей Нга, – продолжала Нара, и после этих слов я замер. – Я слышала, как этот человек... я была рядом с чумом, мать приказала принести толченой рыбы...

– Говори!

... этот человек сказал, что видел Лара. Он жив, здоров, ест жир вместе со всеми. Старик Хэно сделал из него хорошего оленьевода... и скоро, может быть, раньше, чем через три года, отдаст Лару свою дочь... самую красивую дочь...

Нара говорила все медленнее, перекатывая слова, как речные камешки в ладони. По ее щекам текли слезы.

Точно так же они текли, когда отец увозил Лара из стойбища, – только этих слез никто не видел. Она берегла их, как великую тайну, и проливала в редкие мгновенья одиночества.

И таким же, как слезы, сокровищем Девочки Весны стал я, заморыш Вэнга, человек с маленьким телом и лицом Лара. Я не знал о том, что в Наре уже завязалось главное умение женщины скрывать, прятать, лгать и этим яснее самых лучших слов говорить правду о себе. Я стал ее куклой, самой драгоценной из всех, – насмехаясь надо мной, она открывала мне эту тайну, которую я разгадал много лет спустя.

Теперь она понимала, что слезы выдали ее, она рассыпала свое сокровище, но ни обиды, ни досады на себя в ней не оставалось – была какая-то тихая, нежная боль.

Она развязала ворот парки и достала ремешок с белыми птичками.

– Вот... твои птички со мной, – сказала она. – Всегда со мной.

Нара повернулась и ушла.

* * *

У меня оставалась только половина души. Другую половину, Лара, широкий человек отсек и бросил за реку, в земли людей Нга.

Я жил словом «Беги», услышанным от Куклы Человека. По-прежнему я носил еду в чум старика и надеялся, что человек, открывший мне самую главную тайну, хотя бы раз повторит это слово, или назовет трусом.

Но старик не говорил ничего. Он отказывался даже открывать глаза на все, что происходит вокруг него. И заветное слово остывало в моей душе. Я начинал верить словам широкого человека о том, что отравился сердцем раба.

Но увидев слезы Девочки Весны, Вэнга вдруг понял, что может жить. Он не знал, какой она будет, эта жизнь, но уже не боялся ее.

И так – без страха – дожил до конца зимы. Потом отшумела весна, промелькнуло знойное, слепящее лето. Я ждал чего-то, чему не находил имени. Это ожидание не было тревогой, оно давало силы. Место заветного слова заняла Нара.

Девочка Весна была красива – об этом говорили отец, мать и особенно братья. Я понимал, что они говорят правду.

Но красота Нары была для меня небесным сиянием, которым любят, но даже в самых потаенных мыслях не мечтают сделать своим. Так и смотрел на нее – как на сияние. Пролит слезы, Нара уже не смеялась надо мной, не говорила обидных слов – она совсем перестала меня видеть. Но я от этого нисколько не страдал. Я мог смотреть на нее издали, а когда не видел ее – знал, что Девочка Весна где-то рядом, помогает матери выделять шкуры, шить бокари и малицы.

Нара оживила для меня брата. Глядя на нее, я чувствовал, как бьется живое сердце Лара. Трое – мы стали единым существом.

С той поры я ничего не слышал о судьбе Ерша – человек с другого берега реки больше не приходил.

В начале осени в стойбище появились верховые олени тунгусов рода Кондогир. Ехавший впереди старик Молькон сказал, что просит почтенного Ябто отдать свою дочь за его сына Алтанея, что по-тунгусски «Силач».

Молькон дает за дочь Ябто калым, равный сотне оленей, а если такое стадо не нужно лесному человеку, его можно заменить добрыми вещами и оружием.

Ябто дал согласие, которое отметили пиром.

Нару усадили на белолобую важенку и увезли на полночь, туда, где к Йонесси припадает Срединная Катанга.

Через ночь после того, как исчезла Девочка Весна, проснулся мой чудесный слух. Сквозь завывания ветра я слышал олений хорк и тихий плач, похожий на смех.

Бег

Сила и разум не живут в человеке, они приходят к нему, как гости, когда участь позовет их. Так они пришли ко мне.

Разум мой проснулся свежим человеком, оставившим на постели последнюю усталость.

Разум сказал, что все нужное для того, чтобы уйти, уже есть – оружие лежит в чуме Ябто, лодка, приготовленная для завтрашней ловли, ждет на берегу.

Разум сказал, что обдумывать будущее и бояться неудачи заставляет трусость, которая так же посланница участи. Если участь скажет трусости уйти, она повинуется и покидает души даже самых ничтожных людей.

На исходе ночи, когда небо побледнело, и огромная белесая луна коснулась вершины горы, за которой пряталась днем, я вышел из чума. Ябтонга и Явире не слышали ничего. Я шел к жилищу широкого человека и его жены. В руках моих был маленький топор.

Сердце мое было спокойно, ибо чувствовало, что наступил день, которого я ждал. Вчера явилось мне чудо – впервые за многие месяцы Кукла Человека заговорил со мной.

– Уйми бубенцы, – сказал старик, не открывая глаз.

Я поставил перед ним блюдо с мясом.

– Какие бубенцы?

– Давно, очень давно одна женщина предала своего мужа. Тогда была война, и мужчины спали в железе. Однажды женщина лаской упростила мужа снять доспех, чтобы он любил ее. Муж поддался, а ночью пришел любовник жены и убил его спящим. Женщина с любовником убежали и жили долго, на зависть многим. С тех пор, убивать спящих уже не грех. Но если человек хочет спать раздевшись, как в мирные дни, он привязывает к оружию бубенцы. Они разбудят, когда оружия коснется чужая рука.

Больше старик ничего не сказал.

Я не часто бывал в родительском чуме, но знал, что Ябто хранит добытое в стойбище Тогота рядом с собой. Свежий разум подсказывал, что вернее всего зарубить широкого человека во сне, одним ударом, а если понадобится – так же прикончить Женщину Поцелуй. Я был готов поступить так, если бы почувствовал, что это необходимо.

Но в тот великий день я всей кожей чувствовал участь, и та делала свою работу – придавила людей и собак сладким предутренним сном, послала слабый свет сквозь дымовое отверстие, дала привыкнуть глазам и не позволила ошибиться руке.

Тусклую железную точку я увидел на средней части лука, зажал колокольчик ладонью, вынес большой лук из чума и положил у порога. Вскоре там же оказалась пальма, колчан с длинными стрелами, кожаная рубаха, обшитая железными пластинами, панцирь и голубой изогнутый нож.

У порога я развернул большой кусок старой ровдуги – о ней я подумал заранее, чтобы никого не разбудить звоном железа, когда буду тащить его к берегу, – сложил на нее все украденное. Железо покорно молчало, когда ровдуга скользила по мягкой траве.

Помню, тогда я всерьез опасался лишь одного, что у меня не хватит сил столкнуть в воду огромное судно. Мачты на нем не было – широкий человек ставил ее только тогда, когда собирался плыть по Йонесси.

Но и силу послала мне участь, хотя ноги мои, казалось, уходили в прибрежный песок до колен.

Нежная темная вода взяла лодку и тихо понесла вдаль. Тайга молчала в близком ожидании света, и это блаженное молчание разливалось по сердцу. Я держал весло, не смея тревожить воду, глядел на медленно удаляющийся берег и думал о том, что путь от несчастья к счастью бесконечно мал, он короче собственных рук человека, и я заплакал от этой близости

счастья... Слезы обжигали щеки, я плакал беззвучно, сжимая губы изо всех сил, будто боялся выпустить на волю, потерять этот драгоценный плач.

Откуда-то из глубин неба появился слабый колыхающийся звук, он рос, приближался, наступая на тишину – это первые журавли покидали тайгу. И тогда я почувствовал, что слез больше нет. Подняв голову, я увидел ровный клин, похожий на наконечник стрелы... Небо светлело.

Я взялся за весло и направил лодку к другому берегу.

* * *

Ябто не привык гневаться на самого себя.

Его разум оказался в тумане – он понимал это, вспоминая свое пробуждение, когда увидел пустым то место, где лежало оружие. Он упустил день, пытаясь поймать лодку, и дал заморышу время углубиться в тайгу. Лишь наваждение, посланное каким-то враждебным к Ябто и его доброму демону существом, отвело разум широкого человека от единственно верной мысли, что путь у заморыша только один – на другой берег, в земли людей Нга, там, где Лар.

Ябто искал причину помрачения и находил ее в Кукле Человека. Старик мало ест, но несомненно возмущает враждебного духа и вред от него, как от сильного врага. Жизнь старика, оскорбительно долгая жизнь, должна прекратиться, и Ябто обязательно сделает то, о чем запаматовали боги, – он расставит вещи в их истинном порядке и вернет потерянное.

Но сейчас, когда наваждение ушло, Ябто подумал, что тщедушному не под силу нести на себе столько оружия. Догнать его, отыскать в тайге – не такая уж трудная задача для опытного охотника. Только надо следить за разумом, задобрить демона и не совершать ошибок.

На другое утро, после того, как была возвращена лодка, широкий человек с сыновьями переплыли Сытую реку.

В половине малой ходьбы от берега было озерцо, в которое впадала речка. Ябто шел вдоль извилистого русла, приказав сыновьям разойтись на некоторое расстояние и искать любой след человека.

Он перебирал местность добросовестно, как сеть с мелкими ячейками, чтобы не оставить места для новой ошибки.

Широкий человек знал: предстоит преодолеть немного пути и начнутся горы – плосковерхие хребты, расположенные в ряд, будто борозды от когтей великого зверя, прикоснувшегося к земле, когда она была молодая и мягкая. Приближаясь к горам, речка распрямляла змеистое русло и уходила в ущелье, где становилась глубже и громче.

Ябтонга шел в десятке шагов справа от отца, Явире – слева, примерно на таком же расстоянии. Ябто шествовал впереди. За – его спиной был сильный, почти взрослый лук, который он когда-то сделал для Лара.

По пути они наткнулись на медведя трехлетка – молодой зверь недавно покинул мать и, жалобно урча, пытался добывать рыбу на быстрине – малая речка изобиловала хариусом. Увидев людей, медведь заревел и начал удирать, – сыновья Ябто увидели его зад прежде, чем успели испугаться. Они подняли крик и хохот вслед убегающему медведю. Коротким грозным рыком Ябто заставил сыновей замолчать.

– Смотрите под ноги, росوماхи глупые.

В ущелье река входила в силу и грохотала, заглушая голоса. Осеннее солнце, непривычно щедрое в такую пору, взойшло на вершину и застыло между гор, покрытых ярко-желтыми и алыми пятнами увядающей листвы. Местами просыпался осмелевший от тепла гнус. Это были времена доброй предзимней охоты и ловли. Тайга звала, как щедрый хозяин зовет гостей, и вокруг сердца Ябто слепнем увивалась досада.

Но он, поживший человек, знал, что слепня не стоит замечать, ибо другой половиной сердца слышал иную речь. Демон, живущий между лопатками, шептал, что проложит ему путь, выведет к удаче и что он сильнее, заведомо сильнее того, другого духа, который потворствует заморышу.

Добрый демон вскоре показал себя. Там, где заканчивалась гора и река становилась шире и спокойнее, Ябто увидел на берегу яму. На дне ее валялась полусгнившая рыбешка. Широкий человек улыбнулся во весь рот, рывком поднял руку, приказывая сыновьям подойти к нему.

– Это он! Он! – восторженно зашептал Ябтонга.

– Ищите по берегу, – коротко сказал широкий человек.

Сыновья разбрелись, пытаясь найти другие следы, и вскоре Блестящий с радостным визгом летел к отцу – он нашел, спрятанную в прибрежной траве, плетеную из лозы ловушку для рыбы.

– Заморыш... Он... Точно он, – дрожа, говорил Ябтонга. – Он где-то недалеко. Что будем делать, отец?

Ябто молча осматривал вершу, сплетенную умело, и, наверное, давно – в нескольких местах она была сломана.

– Ты хоть раз видел, чтобы заморыш делал пасти?

– Мы вместе резали лозу, мы давно...

– Если ум ходит далеко – не открывай рта. Это не он.

– Кто же? – разом спросили сыновья.

– Не знаю, – ответил Ябто и швырнул вершу обратно в траву. Он отошел от сыновей и сел на валун у самой воды. Ябто думал.

– Так что, отец, пойдем дальше? – робко спросил Ябтонга.

– Нет, – ответил широкий человек, вставая с валуна. – Останемся здесь. Дня уже немного осталось. Ты, – он указал на Блестящего, – готовь ночлег. А ты, – приказал он старшему сыну, – добудь чего-нибудь на завтрашнюю еду. Не уходи слишком далеко. Места здесь изобильные...

– Отец, так ведь уйдет же, – почти закричал Гусиная Нога, – солнце высоко...

– Может быть, ты знаешь, где его искать? – с едва уловимой улыбкой спросил Ябто и прибавил твердо: – Никуда он не уйдет. Делайте, что сказано.

Сыновья ушли в лес рубить лапник и добывать еду. Широкий человек выбрал место посуше и улегся в траву. Он смотрел на отглаженное железо неба и наслаждался покоем. Он ни о чем не беспокоился и верил своему демону, который привел его сюда, как взрослая рука ведет младенца.

То, что рука заморыша не касалась ловушки, ничего не значило для широкого человека. Он знал, что к этому месту, где смыкаются три ущелья, приходят все, или почти все, кто хочет попасть в земли людей Нга. Вэнга может ходить, где ему вздумается, но рано или поздно встанет на этот путь, а река через несколько ночевок приведет прямо к стойбищу Хэно.

Здесь Живущий Между Лопатками подсказывал широкому человеку, что у заморыша есть свой демон, но он слаб против него – демона Ябто.

* * *

Наверное, он был прав, этот демон.

Путь к стойбищу, где живет брат, был неизвестен мне, как всякий другой путь на земле. Никакого голоса за спиной я не слышал. Моим демоном была только вера в участь, позволившая легко совершить то, на что так долго не хватало решимости. Вера непонятным мне образом одобряла одни мысли и отвергала другие.

И еще было во мне единственное знание, подобранное в разговорах взрослых: нужно идти туда, куда указывает звезда Отверстие Вселенной, которую тунгус называл Буга Сангарин.

Звезда поведет на север, где живет Нга, повелитель холода и зла, а значит, там живут и его люди, и там я найду Лара. Наши разорванные души вновь станут одной целой душой. Так я думал.

В то утро, когда я достиг другого берега, в мой ум начали входить мысли, приносившие непонятную радость. Следуя одной из них, я положил в лодку толстую полустгнившую лесину, лежавшую на берегу, и пустил по течению. Лодка отделилась от берега, медленно поворачиваясь на гладких водоворотах, и когда отошла далеко, я, улыбнувшись, подумал, что не зря утяжелил ее, – лодка шла почти ровно, к тому же издали казалось, что в ней есть гребец, который сумасбродно бросил весло и лег спать.

Неподалеку от берега я нашел оставленную каким-то зверем нору, разрыл ее пальмой, положил туда железную рубаху, шлем, панцирь, затем вырезал ножом большой пласт мха и прикрыл тайник. Чтобы не забыть место, я воткнул мертвую лесину в мох. Себе я оставил роговой лук, колчан с железными стрелами, пальму и свой старый топор, которым рубил сучья для очага, когда был рабом. Собравшись, я вздохнул глубоко и побежал.

Я бежал изо всех сил, но вдруг какая-то невидимая и непроходимая преграда остановила меня и погнала обратно к берегу. Там, притаившись в зарослях тальника, я наблюдал, как на другой стороне реки беснуется Ябто. Это зрелище дало моей душе легкости, а ногам вдвое большую силу. Я летел, не ощущая тела, ноги безошибочно находили путь среди сырых мшистых валунов, и я чувствовал, что могу бежать бесконечно, не думая об опасности. Все вытеснила одна мысль о том, что приходит новая жизнь, и какой бы она ни была, она будет лучше прежней.

Не прерывая бега, я поднимался на гору и остановился только на вершине, чтобы оглядеться. Но горы ничего не сказали мне: подножия утопали в белом пуховом тумане, и только редкие птицы черными, едва различимыми точками кружили над вершинами.

На вершине первая забота вошла в разум – лук Ябто. Это был мощный лук из рога и дерева, единственное богатое оружие, которым обладал широкий человек до набега на тайное стойбище остяка. Высотой он доходил почти до глаз, и на мое счастье накануне Ябто надел тетиву, собираясь на ловлю налима.

Так же, как с лодкой, я тревожился, что это оружие мне не под силу, и подумал, что сейчас самое время испытать верность судьбы. Я достал из колчана стрелу. Оперенье легло на тетиву и, когда рука начала движение, оружие не захотело сразу отдавать власть над собой. Рука замерла в половине пути, и грудь – помимо воли – исторгла такой отчаянный крик, что лук вздрогнул и покорно отдал силу стреле, и стрела исчезла в небе. Я не видел ее и не искал.

Радостный и всемогущий, я спускался в низину.

В тот день я шел, будто боги проложили для меня становой путь. Каждый шаг убеждал меня в этом. Когда солнце пошло на закат, я впервые за этот день почувствовал голод – злой, молодой, подкашивающий ноги голод, который набрасывается, как рысь из засады. С собой я не взял даже малого куска, но чудеса не прекращались, – на большой, словно вытянутая исполинская рука, ветви сосны сидел черный глухарь и ждал... Он достался мне, как подарок. Добычу я съел, не разводя огня, и, едва добравшись до подножия горы, лег и уснул. Наутро я шел по сухому распадку гор, пил воду из ручьев и перед заходом солнца развел костер, чтобы изжарить жирного, с полинялой клочкастой шкурой зайца, добытого накануне.

На этот путь ушел день, который подарила мне ошибка Ябто. Прежде чем уснуть, я посмотрел на небо, чтобы заметить место, где сияло Отверстие Вселенной.

И участь, давшая мне оружие и свободу, до первой звезды охраняла меня, спящего, чтобы на другой день привести к берегу малой реки, где ждал своей удачи широкий человек.

* * *

Ябто проснулся первым, сходил по нужде, после чего ногами растолкал спящих сыновей. Он приказал убрать лапник, забросать травой давно потухший костер и спрятаться в тальнике.

Я оказался в петле, не успев удивиться предательству демона.

В полдень передо мной оказалась река, я смотрел на воду и размышлял об этой встрече. Тело реки, будто стрела, показывало на север, туда, где вчера мерцала моя звезда. Эта река, думал я, мала для самой малой лодки, но достаточно велика, чтобы ей кормились люди, а значит, если идти вдоль берега, рано или поздно выйдешь к стойбищу – большому или малому, все равно какому.

Потом я подошел туда, где недавно жгли костер, увидел остывшие угли, небрежно прикрытые пучками травы, – Явире-Блестящий слишком спешил выполнить приказ отца и сделал еще хуже... Мысль о том, что здесь были люди, которым зачем-то понадобилось заметить следы в столь глухих местах, будто ударом пробудила меня от недавнего покоя.

Я положил у ног пальму, огляделся – и увидел Ябтонгу.

Гусиная Нога поднялся из зарослей тальника и не спеша шел навстречу, его оружие было готово к стрельбе. Ябтонга улыбался, будто объелся жира. Обернувшись, я увидел Явире – тот стоял на месте, так же приготовив лук.

Я смотрел на них и чувствовал только свистящую пустоту в голове. Но и это продолжалось недолго. Удушье повалило меня на землю и погасило свет в глазах. Широкий человек пустил в дело ременный аркан.

* * *

У той реки Ябто сделал временное стойбище.

Сыновья, соорудив балаган из тонких еловых стволов и нескольких кусков ровдуги, которую всегда брали в недалекий путь, собирали дрова и носили их к костру.

Неподалеку от очага было дерево – сосна невеликой толщины. Полумертвого от удушья, широкий человек, будто малую вещь из мешка, вытряхнул меня из одежды и голым привязал к стволу. Глаза прояснились, когда Ябто затягивал узел на моей груди. Ремни почти не оставляли места для дыхания.

Ждал я крика, ругани и боли. Но ничего не было.

Когда Ябтонга и Явире ушли в лес добывать птиц, Ябто произнес первое слово. Он сидел у костра, смотрел на вялое, затихающее пламя и не давал огню новой пищи, хотя сухие сучья лежали рядом.

– Осень будто забылась, – сказал он, глядя куда-то в сторону, – солнце, как летом. Самая охота... Сохатый жирный, олень жирный... Еле ползают от жира, так щедра тайга. Да?

Ябто встал, подошел ко мне на расстояние шага и долго глядел в лицо.

– Где железо?

Ответа он не услышал.

– Спрятал? Зря ты молчишь...

Широкий человек отошел и сел у костра. Огонь совсем погас, дым от углей поднимался светлыми клубами и таял.

– А ты не такой уж заморыш, каким казался. Никто меня не мог провести, даже Железный Рог, а ты провел. Видно, сильный дух тебе помогал. Знаешь имя этого духа? Хэ... Откуда тебе знать, ты ведь не шаман. Чего ты стоил бы без этого духа? Меньше, чем самый последний из людей. А теперь, оказывается, и дух тебе помогает паршивый. Куда вел и куда привел, а? Чего

молчишь? Все еще веришь в него? Зря, парень, зря, не верь, он отступился от тебя, это уж я точно знаю...

Ябто встал и вновь подошел к сосне – было видно, что молчание заморыша дразнит в нем злость.

– Железо я и так найду. Мы с сыновьями пойдем твоим путем. Я знаю эти места и знаю, где ты шел.

Он говорил правду, и правда широкого человека пробудила во мне отчаяние, а отчаяние развязало онемевший язык.

– Если знаешь – убей. Чего ждешь? Сам говорил, что тебе не нужен сын, который съел сердце раба. Почему не убьешь – боишься пролить родную кровь?

Широкий человек рассмеялся.

– Эта старая безмозглая кость все тебе рассказал. А ведь он был прав, когда предупреждал меня, что с вами я приведу в стойбище чужих духов. Вы были так малы, что и жить вам оставалось совсем немного – вас загрыз бы любой волчонок, росомаха была для вас больше лося. Не достались бы им, подошли бы с голоду. А я, теплая душа, спас ваши паршивые жизни, вскормил вместе с родными сыновьями, хотел сделать из вас лучших воинов. Но прав старик – чужие духи своими не станут, чужие боги не помогут. Да ведь и вам они не помогли.

Ябто приблизил лицо и зашептал:

– Подумай, кто ты теперь? Кто ты? Тело без души. Твоя жизнь принадлежит мне, как одежда, которая на мне. Ты живой, а тебя уже нет. Шаман путешествует по мирам и не находит души раба, потому что она растворилась, как дым. Человек становится рабом, когда родные духи отступаются от него. Так и твои отступились. Кто кормил их? Кто приносил им жертвы? Они с рождения злы на тебя, потому и живешь ты хуже старой собаки. И не только ты – твой брат тоже.

– Лар живой, – со злобой прошептал я.

Ябто рассмеялся и снял с пояса нож светлого железа и рукояткой белой кости – я впервые видел его у широкого человека.

– Смотри, – Ябто поднес нож к самым моим глазам, – это твой Лар. И роговой лук, который ты украл у меня, тоже Лар. Хэно купил у меня Лара за такую плату и еще рвал волосы, что отдал дорого. Дух твоего брата – слабый. Я пришиб его, как слепня.

Ябто говорил уже без грозы в голосе, будто увещевал никчемного человека.

– И тебе я могу оставить жизнь, привести обратно на Сытую реку, и ты будешь жить, как жил, только мне больше не понадобится тебе лгать. Пойми, Собачье Ухо, другой жизни у тебя нет и не будет. Доберись ты до стойбища Хэно, второго раба он получил бы даром.

Он отстранил лицо и добавил после некоторого молчания:

– Скоро придут Ябтогна и Явире, принесут мяса. Я отвяжу тебя. Мы поедем и пойдем туда, где ты спрятал то, что украл.

Он говорил, и с каждым его словом, убивающим, как умело пущенная стрела, уходили мои силы. Поплыло перед глазами, я уронил голову – Ябто подошел и поднял ее за подбородок.

– Молчишь... произнес он. – Молчи. Разве не хочешь жить? Ну? Открой глаза, потом закрой, и я пойму, что ты хочешь жить.

Но все же у меня хватило сил, чтобы открыть глаза и не закрывать их.

Я смотрел в лицо широкого человека, красное плоское лицо, по которому стекали ручейки пота, и не закрывал глаз, пока не задрожали веки.

Широкий человек все понял. Он убрал руку с подбородка, вернулся к костру и стал раздувать уже погасшие угли, надеясь разбудить в них остатки последнего огня. Но огонь молчал. Ябто встал, плюнул и начал ломать сучья для нового костра. Треск дерева дразнил мой слух, я вгляделся и понял, что широкого человека бьет досада, движения его стали резкими, порывистыми, верными.

Я догадывался, зачем широкий человек разводит огонь в столь теплый день. Он сунет в него палку, палка обгорит, превратится в копье с красным светящимся наконечником, которое начнет жалить мое тело. Но как человек, долго сидевший на шкурах, не чувствует своих ног, видит их, но не может встать и думает, что они нечто чужое, привязанное к его телу, так и я не ведал ни страха, ни тревоги, ни обиды, ни тоски. Происходящее перед глазами я видел ясно, но так, будто все – и Ябто, и сосна, и костер, и река – было далеко, так далеко, что не достать. Единственным моим чувством в тот миг была злоба, похожая на уходящую тупую боль.

* * *

Широкий человек оказался слишком старательным, выманивая душу из врага, уже не опасного. Он сам понимал это, и намеревался разбудить ее огнем, но огонь, всегда благосклонный к Ябто, не приходил на зов. Искры скользили по тонкой бересте. Ветер молчал. Весело пели птицы в молчаливой, застывшей от блаженства тайге. Ябто бросил свое занятие и с силой ударил себя по щеке – щека горела от зудящей боли.

И тут широкий человек понял, почему огонь не хочет помогать в деле – он взглянул на небо и на мгновение ослеп. Утро уходило в полдень, и солнце набирало силу, невиданную для осени. Земля парила, как летом, и вся жизнь, что таилась в траве и ветвях, готовилась заснуть или умереть, вдруг почувствовала нежданную перемену и застрекотала, зажужжала, задвигалась мириадами крохотных почти невидимых тел. Просыпался гнус – главный ужас и страдание лета, чудовище, крадущее у человека и зверя радость краткого тепла.

Ябто обрадовался гнусу.

Он подошел к реке и, зачерпнув пригоршней воду, омыл липкое лицо. В такой день, подумал широкий человек, от реки поднимаются слепни, и тут же сквозь шум воды услышал знакомый гул, проклинаемый каждым человеком тайги. Гнус и слепни доводят до бешенства оленей, способны загнать в болото даже лося...

– Хэ, – сказал широкий человек, – слышишь – звенит? Совсем плохо твоё дело, парень, совсем плохо. Демон, который привел тебя сюда, не дает мне твоей крови – сам хочет. Паршивый у тебя дух, росомаха, а не дух... – И Ябто рассмеялся так, будто действительно был счастлив.

– Ну как тебе жить с ним?! – прокричал он весело. – Зачем? Зачем жить человеку, против которого само солнце?

А солнце стояло меж гор и било в голову жестокими стрелами.

И скоро запылало мое тело.

* * *

Сыновья вернулись с пустыми руками.

– Хотите бросить рукавицы на порог? – без злобы спросил Ябто. Прежняя радость не уходила от него.

– Совсем зверя нет, – виновато произнес Гусиная Нога, глядя в землю.

Блестящий, стоявший на своем извечном месте, на шаг сзади брата, громко шмыгнул носом.

– Видели кабаргу – ушла... – проговорил Ябтонга и замолк.

Мысль его уже не искала оправдания перед отцом – он увидел голое тело, облепленное гнусом, извивавшееся в путах тело, все силы которого уходили на то чтобы удержать крик. Это зрелище поглощало Ябтонгу, как болото.

Широкий человек, казалось, даже обрадовался позорной неудаче сыновей. Появился повод уйти, чтобы вернуться к разгару пиршества. Он надел колчан со стрелами, взял роговой лук и показал его мне.

– Дашь поохотиться?! – крикнул он и, не дожидаясь ответа, на который и не рассчитывал, сухо приказал сыновьям соорудить костер из перекрещенных стволов на поляне в двух десятках шагов от берега, чтобы дым защищал только их самих, но не доходил до заморыша и не мешал гнусу пировать.

– Хорошо, отец, хорошо, – подпрыгнул Ябтонга, понявший замысел отца, – все сделаем.

Старший сын уже собрался бежать, но Ябто схватил его за капюшон парки и произнес сурово:

– Знаю тебя, поэтому слушай внимательно. Когда вернусь, я не должен увидеть на нем ни одной раны, ни одного синяка. Ты понял меня?

– Понял, отец.

– И не смейте говорить с ним.

Широкий человек отпустил сына и, не оглядываясь, широко зашагал к лесу.

* * *

Он шел и жадно ловил звуки леса, надеясь различить в них один звук, которого ждал. Он даже замедлил шаг, чтобы не уйти слишком далеко и не упустить его. Лес шумел птичьим щебетом, и ветер гладил вершину горы. Ябто остановился...

Широкий человек не ошибся в ожидании. Скоро до его ушей донесся протяжный вой, похожий на далекий крик болотной птицы. Вой обрывался, переходил в едва различимый хохот. Ябто улыбнулся и пошел дальше.

Он не ослышался – выло и хохотало мое тело. Единственное, что я помню о той муке, что душа вытекла, как глаз. Я был готова принять все, что скажет широкий человек. Потом я провалился в темноту.

Среди множества умений причинять страдания врагу – снимать кожу с головы и с живого лица, резать тело на мелкие куски, как мясо во время еды, жечь горящими головнями, сажать на очищенные от веток и заостренные сверху деревья – умение выставлять на гнус считалось самым изысканным. Для него требовалось терпение и время. В жаркий летний день гнус уносил рассудок врага еще до захода солнца, и враг выл и хохотал, как воеет человек без разума. А к середине следующего дня гнус оставлял белое обескровленное тело – сонмы существ разносили по тайге жизнь врага.

Но Ябто знал, что я не умру, – он сам не хотел этого. Нечаянная осенняя жара была подарком ему, а подарок духа, бесплотного демона, который ведет человека, не может быть во вред. В эти дни демон был так близко, что широкому человеку казалось, будто он слышит не только его слова, но само дыхание.

Он быстро нашел то, ради чего отлучился в лес.

Ябто спускался с горы, и два жирных глухаря, привязанных к поясу, били его по ногам, еще один лежал в мешке за спиной – тайга послала птиц, как гостю подают еду на деревянном блюде. Широкий человек шел и думал о своей жизни, которая вдруг необычайно ясно сложилась в его памяти. Он был под крепкой защитой, хотя не раз мог погибнуть не только от чужих людей, холода и голода, но и от собственных ошибок. Наверное, это и есть то, что называют участью, думал Ябто – он забыл горе и знал, что тревога, посещавшая его, уже не вернется. Он не боялся участи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.